

*«Самый смешной
писатель Европы»
The Times*

АНТТИ ТУОМАЙНЕН

ФАКТОР

КРОЛИКА

КНИГА ПЕРВАЯ
ТРИЛОГИИ «ФАКТОР КРОЛИКА»

Фактор кролика

АНТТИ ТУОМАЙНЕН

Фактор кролика

Издательство «Синдбад»

2020

Туомайнен А.

Фактор кролика / А. Туомайнен — Издательство «Синдбад»,
2020 — (Фактор кролика)

ISBN 978-5-00131-470-7

Роман одного из самых успешных современных писателей Финляндии Антти Туомайнена «Фактор кролика» – увлекательный рассказ в жанре комедийного криминального триллера о том, что происходит, когда в упорядоченную, математически выверенную жизнь математика страховой компании вторгаются непреодолимые обстоятельства, странные персонажи и не поддающиеся никаким вычислениям чувства. Не ждите обычных для скандинавской криминальной драмы жанровой заданности, жестокости и мрачности обстановки. Антти Туомайнен переворачивает все с ног на голову. В парке приключений, который достался главному герою в наследство от брата, скучать не придется никому. «Фактор кролика» – первая часть трилогии (готовятся к изданию «Парадокс лося» и «Теория бобра»).

ISBN 978-5-00131-470-7

© Туомайнен А., 2020

© Издательство «Синдбад», 2020

Содержание

Сейчас	6
За три недели и пять дней до этого	10
1	10
2	13
3	17
4	21
5	28
6	30
7	33
8	36
9	39
10	44
Сейчас	46
1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Антти Туомайнен

Фактор кролика

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2022

Всем, с кем я на ты.

Спасибо

Сейчас

Я смотрю кролику в глаз, когда вдруг гаснет свет.

Левой рукой я сжимаю тюбик промышленного клея, а в правой держу отвертку. Прислушиваюсь.

В полутьме кажется, что кролик увеличивается в размерах. Голова у него растет, глаза выпучиваются, кончики ушей удлиняются, пока не растворятся в сумраке, а передние зубы изгибаются, как слоновьи бивни. В один момент его трехметровая фигура становится вдвое выше, вдвое шире и гораздо страшнее, словно хранит внутри себя тьму. Она как будто наблюдает за мной, словно я – аппетитная морковка.

Разумеется, ничего этого нет. Гигантский немецкий кролик сделан из твердого пластика и металлических креплений.

Игровой зал – это большое, высокое и пустое помещение. «Заходи, здесь весело». Здесь все еще пахнет детскими шалостями и фастфудом, сахарная сладость выпечки как будто липнет к одежде.

Я стою между Горкой и Вараном. Я жду. С лестницы падают на пол длинные тени. Светятся лампа над входом и множество больших и маленьких лампочек на механизмах и аттракционах. Свет тусклый и мутный, напоминающий зеленую надпись на табличке «Выход», желтый сигнал светофора и красные кнопки «Вкл/Выкл».

Еще совсем недавно в аналогичной же ситуации я решил бы, что свет погас из-за скачка напряжения или из-за неисправностей ламп. Но недавние события научили меня: то, что кажется наиболее вероятным, зачастую невозможно. И наоборот: то, от чего я когда-то запросто отмахнулся бы, сочтя вероятность ничтожной, теперь составляет всю мою жизнь.

Шаги. Почему я не услышал их раньше?

Последние посетители ушли отсюда час назад. Последний сотрудник отправился домой полчасом назад.

С этого момента я остался в одиночестве, проверял аттракционы. Я даже прополз через Клубничный лабиринт, предварительно натянув резиновые перчатки; дети бросают в лабиринте всякую всячину, от еды и одежды до содержимого подгузников. Я забирался на бесчисленное множество платформ и террас, открывал и закрывал двери, почистил Туннель призраков и Черепашьи гонки, убедился, что лианы в Замке приключений не сплелись в клубок и полностью готовы к завтрашнему нашествию маленьких Тарзанов с липкими пальчиками. Затем я переключился на сломанного кролика. Не представляю себе, как кто-то ухитрился оторвать ему правое ухо. Ухо крепится к голове на высоте двух с половиной метров. Средний рост наших клиентов – около метра двадцати, а медианный – еще ниже.

С достаточной долей уверенности я могу определить, что шаги раздаются с той стороны, где расположено кафе «Плюшка и кружка». Они принадлежат человеку, который пытается двигаться как можно тише, но чьи габариты делают это невозможным.

Я отступаю на пару метров и быстро бегу к Замку приключений. И впервые вижу пришельца. Грузный мужчина, одетый в темное, шагает с максимальной осторожностью. Похоже, он ищет меня возле лап кролика, но я успеваю укрыться в спасительной тени «черепаш». Я продолжаю пятиться назад, приближаясь к воротам Замка приключений. Там начинается тропа, которая ведет к Тайному водопаду. Разумеется, это не настоящий водопад, это скалодром, сделанный из синих канатов. Даже если мне удастся попасть внутрь Замка приключений, неизвестно, как я буду оттуда выбираться. Но это уже совсем другая проблема. Стоит отметить, что я не планирую сбежать на «черепаше», чья максимальная скорость составляет десять километров в час.

Мужчина останавливается перед кроликом. Я вижу его в профиль. Лампа аварийного освещения над входной дверью расположена у него за спиной, из-за чего над его бритой головой образуется ядовито-зеленое гало. Он что-то держит в правой руке. И человек, и кролик находятся метрах в двадцати от меня, по диагонали. Вход в Замок приключений, расположенный чуть левее, от меня отделяет примерно семь метров. Я делаю несколько бесшумных шагов. Прохожу почти полпути, когда мужчина вдруг разворачивается. Он видит меня и поднимает руку.

Нож.

Нож – это лучше, чем пистолет. Ясное дело. Но я не задерживаюсь, чтобы оценить шансы того и другого.

Я ныряю в Замок приключений. Преодолеваю первую секцию – ступени подо мной шатаются – и слышу у себя за спиной дыхание мужчины. Он не кричит, не приказывает мне остановиться. Он пришел сюда, чтобы убить меня. Комната с покатым полом оборудована перилами, которые помогают мне двигаться вперед, но гораздо труднее и медленнее, чем я ожидал. Через два пластиковых окна сочится слабый свет. Мужчина появляется на пороге комнаты. Замирает. Возможно, оценивает ситуацию. И бросается за мной. Свободной рукой он хватается за перила, устремляясь за мной. Это ему помогает, а у меня возникают сомнения в разумности моего плана.

Я достигаю двери и делаю шаг наружу, в шаткий туннель под названием Кувырком и тут же падаю на правый бок. Туннель раскачивается. После нескольких попыток я наконец поднимаюсь на четвереньки. Ползу к выходу. Грузный мужчина следом за мной проникает в туннель, и я теряю равновесие. Балансировать невозможно даже на четвереньках. Я слышу, как мужчина стучится о стены и пол туннеля. Он не кричит. Звуки, которые он издает, больше похожи на громкое хрюканье, почти рев. Мы катаемся внутри этой бочки как два пьяных безногих друга.

Он все ближе.

Я добираюсь до конца туннеля Кувырком, проползаю метр, еще один, и встаю на ноги. Мир вращается вокруг меня; ощущение, что я иду против шквального ветра. Передо мной – то, что называется Ступени. Их площадь рассчитана на ноги размером гораздо меньше моих. Это часть моего плана. Именно поэтому я прихватил с собой тюбик суперклея. Откручиваю крышку и выдавливаю клей на столбы позади меня. Преследователь движется медленно, стараясь сохранить равновесие, что дает клею время схватиться.

Я ковыляю вперед, оставляя за собой клеевой след. Кажется, что ступени висят в воздухе где-то между первым и вторым этажом. Света здесь больше. Как будто все лампы в зале объединили усилия, чтобы помочь мне идти без помех. У меня впечатление, что я двигаюсь по канату сквозь залитую светом ночь. Мне приходится напрягаться, чтобы не упасть со ступеней. Под нами нет ничего опасного – только глубокое мягкое море поролона. Но если я сейчас упаду, то потеряю драгоценное время. Я оборачиваюсь и вижу...

...нож.

И вспоминаю, что нож создан не только для ближнего боя. Его также можно...

...метать.

Нож летит, рассекая воздух. Я ухитряюсь пригнуться – ровно на столько, чтобы он не вонзился мне в сердце. Он царапает мне левую руку, но лишь царапает. Я роняю тюбик клея. Мужчина достает из куртки еще один нож. Я делаю рывок к аттракциону Пинбол. И впервые слышу голос мужчины.

– Стой! – кричит он. – Я тебя предупреждаю! Я хочу тебе показать...

Его аргументы меня не убеждают. Я продолжаю двигаться к Пинболу. В темноте врезаюсь сначала в одну мягкую резиновую преграду, затем в другую. Задеваю раненой рукой еще одну. Тело пронзает боль, едва не швыряя меня на колени. Я – человек-шарик в огромной темной пинбольной машине. Единственный источник света в комнате находится над дверями.

В середине царит непроницаемый мрак. Плюс в том, что метать второй нож не имеет смысла, потому что невозможно прицелиться. Я вытягиваю правую руку и держу ее на весу, пока флипперы кидают меня от одного резинового препятствия к другому. Добираюсь до света, все это время слыша за спиной звуки, с какими флипперы лупят мужчину, и надеясь, что клей у него на подошвах не даст ему меня догнать.

Вот я возле водопада. Ныряю между канатов, где расположена дверь, ведущая на склад. Достая из кармана брюк ключи. Ключ поворачивается в замке, но дверь не открывается. Я дергаю дверную ручку до тех пор, пока до меня не доходит, в чем дело. Мы давно собирались поменять замки. Но почему их меняли именно сегодня? И почему мне ничего об этом не сказали?

Возвращаюсь к водопаду и прохожу сквозь него. На площадке напротив стоит мой преследователь. Он отдирает со своей подошвы кусок напольного покрытия. Я делаю что могу. Бегу и прыгаю. Почти лечу по воздуху. И приземляюсь на горку. Едва не вскрикивая от боли. Начинаю скользить по желобу, который поворачивает и изгибается. Под действием гравитации рана на руке начинает пульсировать. Горка и боль – вроде бы такое же невозможное сочетание, как велосипед без седла. До цели худо-бедно доберешься, но об удобстве забудь.

Я съезжаю на мягкую подстилку, встаю и чувствую, что что-то явно не так. С горки не доносится ни звука. Преследователя на ней нет. Верхней платформы мне не видно, но я предполагаю, что он должен быть там.

Я еще раз обхожу весь Замок приключений и бегом направляюсь к кролику. На это уходит время, но других вариантов у меня нет. Как нет и ключей ни к одной двери. Только входную можно открыть без ключа. На последнем повороте я останавливаюсь, выглядываю из-за угла и прислушиваюсь. Ничего не вижу и не слышу.

Я на всей скорости устремляюсь к кролику. Я бегу, и бегу, и вот-вот доберусь до кролика, когда у него из-за спины выступает грузная мужская фигура. Мне хватает доли секунды, чтобы понять, что произошло. Есть хорошее объяснение тому, почему он появился так быстро и бесшумно: на его подошвы налипли кусочки поролона. Он спрыгнул с платформы, но я этого уже не услышал.

В груди у меня закипает гнев.

Я играю по правилам. Опять.

Я продолжаю бежать. Единственное, что занимает мои мысли, это кролик. Я врезаюсь в грызуна и опрокидываю его на мужчину. Мы падаем на цементный пол. Мужчина видит в упор меня, а я – его. Он решается первым. Я едва успеваю частично высвободиться, когда он наносит удар ножом. Клинок рассекает мне бедро и вонзается в лист фанеры под нами, заодно пригвоздив к нему мои брюки. Я в ловушке. Я кричу и, размахивая руками, хватаю первое, что попадает под руку.

Кроличье ухо.

Оно успело снова расшататься и отвалилось.

Я хватаю это гигантское ухо и бью в том направлении, где должен быть мой враг. И почему-то попадаю... Встаю. Брюки с треском рвутся. Мужчина лезет в карман своей куртки. Третий нож? Нет, это было бы слишком. Но я должен торопиться, чтобы не дать ему времени метнуть его в меня – если это нож. Я наношу ему удар ухом, потом еще один, и еще, и еще...

Выпускаю из рук ухо. В зале пусто и тихо. Единственное, что я слышу, это звук своего дыхания. Оглядываюсь по сторонам.

Все выглядит как-то не так.

Парк приключений для всей семьи.

Мысли в голове путаются. Как вышло, что именно я несу за него ответственность? Это – и многое другое – вдруг стало непредсказуемым и вышло из-под контроля. Я – актуарий. То есть специалист по страховой математике.

Как правило, я не управляю парками приключений и уж точно не забиваю людей насмерть гигантскими кроличьими ушами из пластика.

Но, как я уже говорил, моя жизнь в последнее время не следует законам теории вероятности.

За три недели и пять дней до этого

1

Каннельмяки в сентябре. Не знаю ничего более прекрасного. Ярко-алые листья и самые конкурентные цены на дома во всем Хельсинки.

В воздухе раннего утра в этом окраинном районе витал запах осени. Научно доказано, что этот воздух – самый свежий в городе. Огромные красные и желтые листья серебрились гигантскими каплями росы, невесомыми зеркалами искрившимися в лучах восходящего солнца. Я стоял на балконе своей квартиры на четвертом этаже и размышлял о том, что нахожусь именно там и тогда, где и когда надо, и ничто на свете не заставит меня изменить это мнение.

Застройка вокруг железнодорожной станции Каннельмяки – наглядный пример наиболее удачного городского планирования во всем Хельсинки. От своей двери до станции я добирался за две с половиной минуты бодрым шагом. Поезд доставлял меня до работы в Пасила за девять минут, а раз в месяц до кинотеатра в центре города – за тринадцать. Учитывая расположение, квартиры в Каннельмяки стоили не так уж дорого и были отлично спроектированы: удобные, максимально функциональные. Никаких украшений, ничего лишнего.

Дома построили в середине 1980-х, во времена господства рационального мышления. Некоторые люди называли эту часть города безликой, даже депрессивной, – возможно, потому, что видели только фасады, одинаковые коробки домов и общий серый колорит, что само по себе служит примером потрясающего единообразия. Эти люди допускали распространенную ошибку – не проводили точных расчетов.

Я знаю из опыта, что именно расчет указывает нам, что красиво, а что нет.

Район Каннельмяки был красивым.

Я сделал еще один неглубокий вдох и вернулся в квартиру. Прошел в прихожую, достал обувь и куртку. Застегнул «молнию» почти до верха. Узел моего блестящего галстука лежал ровно и симметрично. Я посмотрел на себя в зеркало и не увидел ничего неожиданного. К своим сорока двум годам я сохранил всего одно потаенное желание.

Мне хотелось, чтобы все было разумно.

Страховая математика – это дисциплина, которая сочетает в себе математику и статистический анализ, необходимый для оценки вероятности риска того или иного происшествия и установления размеров страховой премии, являющихся финансово приемлемыми для страховщика. Это официальное определение. Большинство людей не задумывается над ним, как и над множеством других официальных и потому кажущихся скучными определений. Даже когда они пытаются в это вникнуть, не многие обращают внимание на слова «финансово приемлемый», не говоря уже о том, чтобы поинтересоваться: а что они означают в данном конкретном контексте.

Страховые компании существуют, чтобы извлекать прибыль. В случае страхования от несчастных случаев она достигает почти 30 процентов. Немногие компании из других сфер деятельности могут похвастать похожими показателями за счет продажи всего одного продукта. Страховые – могут, потому что знают, что у людей нет других вариантов. Вы не обязаны страховаться – каждый имеет право на выбор. Но большинство предпочитает, как минимум,

застраховать свой дом. Страховым компаниям известно также, что люди – существа хрупкие, а их способность влипать в неприятности даст сто очков вперед любому другому виду. Поэтому современные страховые компании всего мира высчитывают, как часто люди будут поскользнуться и падать у себя в саду; засовывать себе в разные отверстия те или иные предметы разных форм и размеров; высыпать тлеющие угли от шашлыка в мусорную корзину; врезаться друг в друга на новеньких гидроциклах; доставать с верхней полки шкафа вещи, заставленные рядом стеклянных ваз; напившись, напарываться на нож для суши и, запуская петарду, попадать в глаза себе или окружающим. В будущем году.

Как следствие, страховые компании знают две вещи. Во-первых, людям необходимо приобретать страховки. Во-вторых, определенное число людей, невзирая на предупреждения, неизбежно себя подожжет. В пространстве между этими двумя вещами – то есть между авто-ручкой и спичкой – как раз и работают актуарии. Наша работа гарантирует, что, даже если горе-поджигатель получит денежную компенсацию за свои неприятности, компания не останется в убытке, потому что компенсирует расходы за счет других клиентов.

Там я и пребывал, между заточенным карандашом и пылающим пламенем.

Моя работа находилась в районе Валлила. Новое офисное здание на Теоллисуускату достроили прошлой весной, и наша компания въехала в него, когда еще не высохла краска. Теперь, когда я каждое утро приезжал в офис, я всегда чувствовал одно и то же раздражение и разочарование. Подобно куску черного льда внутри, который отказывался таять: у меня больше не было кабинета. Вместо него у меня появилась рабочая станция.

Слово «станция» говорило мне все, что необходимо знать. Моя «станция» представляла собой узкое, заваленное бумагами пространство на краю длинного стола, торцом упирающегося в окно. Перед ним стоял точно такой же стол. Напротив меня сидел Мийкка Лехикойнен, младший математик, который регулярно рассказывал истории о выезде на шашлыки. Слева сидел Кари Халикко, младший аналитик рисков, имевший привычку подхихикивать себе под нос без всякого повода. Судя по всему, они принадлежали к новому поколению профессиональных актуариев.

Мне не нравились ни они, ни наш офис. Он был шумным, здесь что-то меня постоянно отвлекало и мне мешало. Он был полон банальности. Но главная проблема заключалась в том, что он был полон людей. Мне не нравились вещи, которые нравились большинству: бесконечные разговоры, бесконечные просьбы дать совет и бесконечные советы, бесконечный бессмысленный треп. Я не понимал, какое отношение все это имеет к вычислению вероятностей. До переезда в новое здание я пытался объяснить, что мы работаем в области контроля рисков, а не в Диснейленде, но на тех, кто принимал решение, это, похоже, не оказало никакого воздействия.

Моя производительность упала. Я по-прежнему не ошибался – в отличие от практически всех остальных, но моей работе значительно мешал непрекращающийся поток бессмысленной болтовни, заполнявший рабочую станцию Халикко.

Халикко смеялся над всем. Казалось, большую часть времени он проводит за просмотром видео прыгунов в высоту, дурацких конкурсов певцов или владельцев странных домашних животных. Все хохотали, и ролики сменяли один другой. Халикко то хихикал, то ржал. Я считал это поведение недостойным аналитика рисков.

Еще одним источником беспокойства был Лехикойнен, который не замолкал ни на секунду. По понедельникам он рассказывал нам, что произошло в выходные; осенью – о своем летнем отпуске; в январе я узнал, как он провел Рождество. С ним постоянно что-то случалось. Вдобавок ко всему он был дважды женат и разведен, что, по моему мнению, является ярким доказательством того, что человек плохо понимает связь между причиной и следствиями. Младшему математику стоило бы пристальнее изучить эту проблему.

Тем конкретным утром оба они уже сидели за своими рабочими станциями. Халикко скреб свой бритый череп, а Лехикоинен смотрел на экран, выпячивая губы и постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Оба выглядели полностью сосредоточенными на работе, что само по себе не могло не удивлять. Я взглянул на часы на столе. Ровно девять. Начало рабочего дня.

После переезда в новое здание я каждое утро старался выходить из дома примерно на тридцать секунд позже, чтобы избежать необходимости поддерживать бесцельные разговоры до начала работы, а потому являлся в самый последний момент. Для меня это нетипичное поведение. Я поставил кейс возле стола и выдвинул свой стул. И впервые услышал звук, с каким его твердые пластиковые колесики катились по ковру. В этом звуке было что-то, от чего меня передернуло, словно кто-то провел холодными ногтями мне по позвоночнику.

Я включил компьютер и убедился, что на столе есть все необходимое для работы. Я проводил самостоятельное исследование влияния частоты изменений процентных ставок на оптимизацию выплат в их постоянно меняющихся экономических условиях. И надеялся, что сегодня смогу завершить двухнедельный труд.

Тишина была, как вода в стакане – невидимая, но конкретная и ощутимая.

Я ввел свои имя и пароль для входа в систему. Прямоугольники на экране мигнули. Внизу появилась красная надпись, сообщившая, что мои имя и пароль не годятся. Я ввел их снова, на этот раз медленнее, проверяя, чтобы все заглавные и прописные буквы были на месте. Прямоугольники снова мигнули. Внизу под ними появилась еще одна красная строка. Неверное имя или пароль. А также – это было написано ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ – у меня осталась одна (1) попытка правильного введения. Я взглянул поверх экрана на Лехикойнену. Он по-прежнему барабанил пальцами по подлокотнику, но смотрел в окно на «Макдональдс» через дорогу. Я уставился на него, еще раз мысленно повторяя свои имя и пароль. Разумеется, я помнил и то и другое и знал, что оба раза ввел их правильно.

Вдруг Лехикойнен повернулся, и наши взгляды встретились. Затем он так же стремительно вернулся к своему экрану. Стук прекратился. Стал слышен гул. Я знал, что это кондиционер и что я слышу его потому, что никто не разговаривает. Было в этом гуле что-то такое, что я не мог не обратить на него внимания. Возможно, из-за этого я не повернулся и не спросил Халикко, не столкнулся ли он сегодня утром с проблемами, когда входил в систему.

Если проблемы у него и были, то они давно исчезли: Халикко остервенело щелкал своей мышкой. Я положил руки на клавиатуру, и холодные ногти снова прошли мне по хребту. Я осторожно двигал пальцами, концентрируясь на каждой клавише, которую нажимал. Наконец я нажал *Enter*; понимая, что другого шанса у меня не будет, сделал это достаточно решительно и быстро.

Я не то что не закрывал глаза – я даже ни разу не моргнул. Единственное нажатие кнопки казалось безумно важным; только что был обычный день, а потом я вдруг то ли заснул, то ли потерял сознание, а когда пришел в себя, мир вокруг изменился до неузнаваемости. День утратил все свои краски. Сдвинулась точка опоры всего мира. Прямоугольник в центре экрана содрогнулся в третий раз. Я моргнул, и он вообще исчез.

Я услышал знакомый голос.

– Коскинен, не заглянете ко мне в кабинет на минутку?

2

– Поговорить надо, – сказал менеджер нашего отдела Туомо Перттиля. – Обменяемся кое-какими идеями.

Мы сидели в кабинете Перттиля – стеклянном кубе, неприятные особенности которого включали в себя отсутствие приватности, а также тот факт, что между сидящими не было никакого стола. Для меня это было неестественно. Мы расположились друг напротив друга, как на приеме у врача. Мне не хотелось думать, кто из нас пациент, а кто – лекарь. Стулья были жесткими, с металлической рамой, страшно неудобными, и мне некуда было положить руки. Я опустил их на колени.

– Я хочу тебя послушать, – сказал Перттиля. – Я хочу тебя услышать.

Одно дело – физический дискомфорт. Но принять новую роль Перттиля мне было еще труднее. Я подавал заявление на должность начальника отдела. Я был более опытным и подходящим кандидатом. Не знаю, как и чем, но Перттиля – бывший начальник отдела продаж – убедил совет директоров, что отдать предпочтение следует ему.

– Думаю, что так мы лучше пойдем друг друга, – продолжал он. – Я верю, что, если мы откроемся друг другу, мы найдем что-то общее и придем к взаимоприемлемому решению. А общее решение – это правильное решение. Но произойдет это только в том случае, если мы поймем, что мы – просто два человека, которые ведут диалог. Просто два человека, без всяких должностей, без статусных одежек, без амбициозных личных планов. Два парня у костра, готовые открыться друг другу на эмоциональном уровне, чтобы двигаться вперед.

Я знал, что говорить так сейчас модно, и знал, что Перттиля прошел бесчисленное количество курсов по этой теме. Разумеется, я не мог представить себе нас с ним голышом в лесу, но с его манерой вести разговор была еще одна, более серьезная проблема: он не сообщал никакой информации и его болтовня ни к чему не вела.

– Не понимаю, – сказал я. – Не понимаю, почему система...

Перттиля дружелюбно усмехнулся. Что на голове, что на лице у него не было ни волоска – он их тщательно сбривал, и, когда он улыбался, следы улыбки можно было видеть даже на затылке.

– Ой, извини. Иногда меня немного заносит. Я так привык открываться людям, что забываю дать им пространство, – сказал он голосом, которой появился у него меньше года назад.

Год назад он говорил, как все, но после всех этих курсов тембр его голоса превратился в нечто среднее между сказкой на ночь и переговорами об освобождении заложников. И это очень плохо совпадало с тем, что я о нем знал.

– Ты только не подумай... Я хочу дать тебе пространство для маневра. Ты говори, а я буду слушать. Но прежде чем мы начнем, есть один вопрос, который я хочу тебе задать.

Я подождал. Перттиля уперся локтями в колени и наклонился вперед.

– Как тебе наш новый офис? Командная работа, открытость? Наше стремление все делать вместе? Делиться знаниями в реальном времени. Наш корпоративный дух?

– Как я уже говорил, мне кажется, что это замедляет нашу работу и усложняет...

– Но ты же понимаешь, что мы – одна команда? Мы узнаем друг друга, чувствуем присутствие друг друга, учимся друг у друга, будим наш спящий потенциал...

– Ну...

– Все говорят, что они нашли свое истинное «я», – продолжал Перттиля, – достигли нового уровня понимания – не просто как математики и аналитики, но как люди. А все потому, что мы поставили своей целью стереть границы. Все границы – и внутренние, и внешние. Мы поднялись на новый уровень.

У Перттиля были глубоко посаженные глаза под темными бровями, из-за чего было трудно прочесть выражение его лица. Но я мог представить себе, что за этими глазами, в самой глубине, яростно ревел огонь. По моему позвоночнику снова прокатилась холодная волна неопределенности.

– Насчет этого не знаю, – сказал я. – Мне сложно оценить все эти... уровни.

– Сложно оценить... – овторил Перттиля и откинулся на спинку стула. – Ладно. За решение каких задач, по-твоему, ты мог бы взяться?

Такого вопроса я не ожидал и с трудом удержал руки на коленях.

– За те задачи, которые у меня уже есть. Я математик, и...

– Как ты видишь себя частью команды? – прервал меня Перттиля. – Что ты приносишь команде? Сообществу? Семье? Чем ты готов нас одарить?

Вопрос с подковыркой? Я решил быть предельно честным.

– Математически...

– Давай на минуту забудем о математике, – сказал он и поднял свою правую руку, словно пытаюсь остановить невидимый поток, струящийся через комнату.

– Забыть о математике? – непонимающе спросил я. – Эта работа основана на принципах...

– Я знаю, на чем она основана, – кивнул Перттиля, – но нам необходим общий путь, по которому мы идем вместе, и неважно, что у нас в руках – математика или что-то еще.

– В наших руках? Боюсь, это не та часть тела, которая принесет нам пользу, – сказал я. – Наша сила в логике. Нам нужна ясная голова.

Перттиля снова наклонился вперед, упер локти в колени и сдвинул голову чуть вбок, приняв позу мыслителя. Выдержал долгую паузу и, наконец, произнес:

– Когда я стал у руля этого отдела, он увязал в грязи. Ты помнишь, каждый сидел в своем маленьком кабинетике, работал над чем-то, и никто не знал, чем заняты остальные. Это не было продуктивно, и отсутствовало всякое чувство сообщества. Я захотел перенести эту группу бумагомазак и астрофизиков в двадцать первый век. А теперь это произошло. Мы летим. Летим к самому солнцу.

– Я бы этого не рекомендовал. В любых условиях. К тому же, даже если выражаться метафорически, это...

– Видишь? Я именно об этом и говорю! Есть один парень, который всегда противостоит всему, что мы делаем. Парень сидит в своем уголке и считает, как хренов давно потерянный кузен Эйнштейна. Угадай, кто это?

– Я просто хочу, чтобы все было рационально и разумно, – сказал я. – Именно это и дает нам математика. Это конкретное знание. Не знаю, зачем нам нужны все эти «внутренние дети», все эти... графики настроения. По-моему, они нам ни к чему. Нам нужны разум и логика. Вот что я приношу.

– Приносил.

Одно это слово причинило мне больше боли, чем тысячи предыдущих. Я знал свой профессиональный калибр. Я почувствовал, как заколотилось сердце и ускорился пульс. Все это было абсолютно недопустимо. Неопределенность прошла, и ее сменили раздражение и досада.

– У меня прекрасные профессиональные навыки, и с опытом они только отточились...

– Похоже, не все.

– То, что нам сегодня нужно...

– То, что нам сегодня нужно, отличается от того, в чем люди нуждались в семидесятые, – сказал Перттиля и дернулся. – Я имею в виду *тысяча девятьсот* семидесятые. Или заглянем еще дальше?

Я понял, что свистопляска с паролем была лишь началом. И я слишком хорошо знал Перттиля. Сейчас он говорил своим обычным голосом.

– А теперь послушай меня. Как старший актуарий, ты можешь получить именно то, чего хочешь, – сказал он. – Тебе не придется быть членом команды. Пользоваться внутренней сетью. Ты сможешь сидеть в одиночестве и считать сколько влезет. У тебя будет собственный кабинет.

Перттиля выпрямился и оперся о спинку стула. До этого он сидел на самом его краешке.

– Все предусмотрено. Твой кабинет будет на первом этаже. В маленькой комнате за стеллажом уборщика. Ты сможешь даже закрыть дверь. Вот тебе блокнот и калькулятор. Внутренняя сеть тебе не нужна. Твоя задача – оценить влияние инфляции 2011 года на страховые премии 2012-го. Все данные у тебя на столе. Если не ошибаюсь, там примерно шестьдесят папок.

– Это совершенно не разумно, – сказал я. – Сейчас 2020-й. К тому же все это уже давно подсчитано, когда мы определяли размер страховых премий для того года...

– Тогда посчитай еще раз. И проверь, чтобы все было как надо. Тебе такое нравится. Тебе нравится математика. Ты такое любишь. Ты любишь математику.

– Разумеется, я люблю математику...

– Но ты не любишь коллектив. Ты не любишь нашу открытость, нашу способность к диалогу, наше общение, наше стремление открываться друг другу и исследовать наши эмоции. Ты слишком замкнут в себе, тебе не хватает гибкости, и ты нам не доверяешь. Тебе не нравится то, что я тебе предлагаю?

– Я не...

– Вот именно. Ты – «не». Так что... – ерттиля протянул мне лист бумаги. – Вот тебе другой вариант.

Я быстро прочитал бумагу. Раздражение и досада покинули меня. Я был поражен. Я был в ярости. Посмотрел на Перттиля:

– Ты хочешь, чтобы я подал заявление об уходе?

Он снова улыбнулся. Улыбка была почти такой же, как в начале нашего разговора, только теперь из нее исчез даже намек на теплоту, которая, возможно, присутствовала в ней за секунду до этого.

– Вопрос в том, чего хочешь *ты*, – сказал он. – Я хочу помочь тебе и предложить другой путь.

– То есть или я буду заниматься бесполезными расчетами, или участвовать в любительских сеансах психотерапии, которые мешают серьезному математическому мышлению? Первое бессмысленно. Второе ведет к дезорганизации, хаосу и краху.

– Всегда есть третий вариант, – сказал Перттиля и кивнул в направлении листа бумаги.

– Точность требует точности, – сказал я, услышав в своем голосе дрожь. Кровь у меня кипела. – Нельзя достичь абсолютной точности в матрицах корреляции методом Конмари. Я не могу быть частью команды, чья высшая цель – уик-энд с изготовлением суши.

– Для тебя есть маленький кабинет на первом этаже.

Я покачал головой.

– Нет, – сказал я. – Это просто неразумно. Я хочу, чтобы все было разумно. Я хочу действовать разумно. А это соглашение... В нем сказано, что в случае увольнения я добровольно отказываюсь от выплаты полугодовой зарплаты, которая мне полагается, и что увольняюсь я немедленно.

– Потому что ты уходишь по собственному желанию, – сказал Перттиля, снова включив свой мягкий голос – наверное, ему нравилось, как он звучит. – Если хочешь остаться с нами, на нашем этаже... Завтра утром у нас трехчасовой семинар по трансцендентной медитации, который проведет выдающийся...

– Дай мне ручку, пожалуйста.

Судя по выражению их лиц, они уже все знали. На рабочей станции у меня имелась всего одна личная вещь – фотография моего кота Шопенгауэра. Я выложил все рабочие документы из своего кожаного кейса и бросил в опустевший кейс фото кота. Спустился в лифте на первый этаж и даже не взглянул на стеллаж уборщика и дверь за ним. Вышел на улицу и остановился, словно на что-то наткнулся, как будто ноги прилипли к земле.

Я теперь безработный.

Мысль казалась невероятной, как минимум, для меня. Я никогда не представлял себе, что окажусь в ситуации, когда не буду знать, куда мне идти утром. Как будто гигантский механизм, обеспечивающий порядок в мире, внезапно сломался. Я посмотрел на часы, но, как и следовало ожидать, это ничем мне не помогло. Они показывали время, но время утратило всякий смысл. Было 10:18.

Еще минуту назад я размышлял над различием между условной вероятностью и исходной вероятностью и пытался найти способ определить математическую независимость системы аксиом во взаимно дополнительных событиях.

Теперь я стоял на обочине шоссе – безработный, с кейсом, в котором не было ничего кроме фотографии кота.

Я заставил себя двигаться. Солнце грело мне спину, и я почувствовал себя чуть лучше. Когда показалась железнодорожная станция Пасила, я уже мог взглянуть на ситуацию более прагматично, применяя логику и разум. Я был опытным математиком и знал о страховом бизнесе больше, чем вся неграмотная команда Перттиля. Я слегка расслабился. Скоро я начну заниматься расчетами для его конкурентов.

Насколько трудно найти страховую компанию, в которой и к себе, и к математике относятся одинаково серьезно?

Вряд ли так уж трудно. Скоро я все выясню.

Проще говоря, все наладится.

3

– Ваш брат скончался.

Голубая рубашка и темно-синяя куртка только подчеркивали еще один оттенок синего в глазах мужчины. Его редущая пшенично-блондинистая шевелюра, зачесанная налево, выглядела усталой, словно увядшей. Бледное лицо, на котором пылали румянцем ярко-красные щеки. Он представился и сказал, что он адвокат, но его имя я не запомнил.

– Не понимаю, – совершенно честно сказал я.

Вкус первой за утро чашки кофе еще не выветрился у меня изо рта, но вдруг приобрел жестяной, почти ржавый привкус.

– Ваш брат скончался, – повторил мужчина, пытаясь удобнее устроиться на моем диване.

Во всяком случае именно так я интерпретировал его ерзанье. За окном стояло прохладное и солнечное осеннее утро. Я это знал, потому что позволил Шопенгауэру сразу после завтрака занять его излюбленный пост и пошел к двери, как только раздался звонок. Через некоторое время адвокат чуть наклонился вперед и положил руки на колени. Куртка из блестящей ткани натянулась у него на плечах.

– Он завещал вам свой парк аттракционов.

Я поправил его, даже не задумываясь:

– Парк приключений.

– Прошу прощения?..

– Парк аттракционов – это Линнанмяки или Олтон-Тауэрс. Американские горки и карусели. Механизмы, в которые вы садитесь и позволяете швырять вас из стороны в сторону. А парк приключений – это место, где люди двигаются самостоятельно. Лазают и бегают, прыгают и ползают. Там есть скалодромы, канаты, горки, лабиринты – все такое.

– Кажется, я понимаю, – сказал адвокат. – В парке аттракционов есть катапульта с яркими мигающими огнями, которая подбрасывает людей в воздух. А в парке приключений есть... Ничего в голову не приходит...

– Замок приключений, – сказал я.

– Да, точно, замок приключений, – кивнул адвокат. Он явно хотел что-то добавить, но вдруг передумал. – Ну, наверное, в парке аттракционов тоже может быть замок приключений, как в парке Веккула в Линнанмяки. Там лезешь вверх, а потом, обливаясь потом, спускаешься вниз... А вот простую катапульту в парке приключений представить себе трудно. Сидишь в нее и чувствуешь, как тебя отрывает от земли... Думаю, я понимаю разницу, хотя вряд ли сумею ее корректно сформулировать...

– Мой брат умер, – сказал я.

Адвокат посмотрел на свои руки и быстро прижал одну к другой.

– Да, – сказал он. – Мои соболезнования.

– Как он умер?

– В своей машине. «Вольво-V70».

– Я имею в виду, что стало причиной смерти.

– Э-э... – амялся адвокат. – Сердечный приступ.

– Сердечный приступ? В машине?

– На светофоре. На бульваре Мунккиниemi. Машины стояли в пробке. Кто-то постучал в водительское стекло. Он настраивал радио.

– Уже мертвый?

– Нет, разумеется, нет. – Адвокат покачал головой. – Он умер, пока его настраивал. Искал станцию классической музыки, если я не ошибаюсь.

– И он оставил завещание? – спросил я.

Юхани был, мягко говоря, человеком порывистым и импульсивным. Он жил одним днем. Чтобы он что-то планировал вперед, думал о завещании? Нет, на него это было совсем не похоже. Он шутил, что я умру от негибкости. Я говорил ему, что вполне себе жив и с гибкостью у меня все нормально, просто я хочу, чтобы все делалось по порядку, разумно и логично. И что свои действия я основываю на рациональном мышлении. По какой-то причине его это веселило. Тем не менее, будучи полной противоположностью друг другу, мы оставались братьями. Я не совсем понимал, как реагировать на новость о его смерти.

Адвокат полез в свой светло-коричневый кожаный портфель, достал из него тонкую черную папку и откинул зажимы в углах. Бумаг внутри было немного. Адвокат долго рассматривал верхний документ, прежде чем заговорить снова.

– Это завещание было составлено шесть месяцев назад, когда ваш брат нанял меня. Его последняя воля отличается простотой и ясностью. Вы получаете все. Единственный, кроме вас, человек, упомянутый в завещании, это бывшая жена вашего брата, которая не получает ничего. Это специально подчеркнуто. Других родственников нет; во всяком случае он больше никого не назвал.

– Других родственников нет.

– Значит, все ваше.

– Все? – спросил я.

Адвокат снова посмотрел в свои бумаги.

– Парк аттракционов, – повторил он.

– Парк приключений, – поправил его я.

– Мне до сих пор трудно видеть разницу.

– Кроме парка приключений, больше ничего? – спросил я.

– В завещании больше ничего не упоминается, – сказал адвокат. – Краткое расследование показало, что другой собственности у вашего брата не было.

Мне пришлось мысленно повторить его последнее утверждение, чтобы в него вникнуть.

– Насколько мне известно, он был состоятельным и успешным предпринимателем, – сказал я.

– Согласно имеющейся у меня информации, квартиру он снимал, а машиной владел на паях с другим человеком. И за то и за другое он задолжал за несколько месяцев. И управлял этим... парком.

Разумеется, моей первой мыслью было, что все это бессмыслица. Потому что это и была бессмыслица. Юхани умер, по сути не оставив ни гроша. Оба этих утверждения казались мне крайне неправдоподобными. К тому же...

– Почему я только сейчас узнаю о его смерти?

– Он так хотел. Он просил, если с ним что-нибудь случится, сообщить мне, а я должен уведомить его родственника, но только после того, как будут закончены все формальности. То же касается и завещания. Связаться с наследниками следовало только после полной оценки всего, чем он владел.

– Он чем-то болел? Юхани знал, что он?..

Адвокат наклонился вперед на пару сантиметров. Он больше не выглядел усталым; казалось, что в нем проснулся почти энтузиазм.

– В смысле, есть ли причины подозревать, что его могли убить?

Адвокат посмотрел на меня с таким видом, будто мы с ним занимались чем-то невероятно интересным: разгадывали тайну или играли в викторину.

– Ну да... Или...

– Нет, – сказал он, качая головой. Его энтузиазм испарился. – Боюсь, ничего такого. Проблемы с сердцем. Что-то неоперабельное. Он мне об этом рассказал. Всегда был риск, что

это случится, и однажды это случилось. У него просто остановилось сердце. Как правило, в смерти мужчины средних лет нет ничего загадочного. Боюсь, блокбастер из этого не слепить.

Я повернулся к окну и посмотрел на осеннее утро. Мимо окна пролетела пара ворон.

– Но взгляните на это с другой стороны, – раздался голос адвоката. – Это прекрасная возможность для бизнеса. Принадлежавший вашему брату парк...

– Нет, – сказал я. – Парки приключений – это не для меня. Я актуарий.

– Где вы работаете?

Голубизна глаз адвоката по интенсивности цвета располагалась точно между его рубашкой и курткой, так что в этом прослеживалась почти математическая симметрия. В других обстоятельствах это могло бы показаться интересным, но только не сейчас. Этим утром, в 7:32, после полутора недель неустанных поисков работы, последняя подходящая актуарию дверь захлопнулась у меня перед носом. Сразу после увольнения я разослал свое резюме во все уважаемые страховые компании, специально указав, что серьезно отношусь к традиционной математике и не хочу тратить время на всякую ерунду вроде укрепления корпоративного духа. Не получив ни одного ответа, я сам связался с ними и ошеломленно выслушал кучу банальностей. Один стремился к созданию гибкой командной динамики, другой мечтал о новой форме вычислений, основанной на алгоритме. Каждый объяснил, что в данный момент вакансий у них нет. Тут я мог им возразить. Я знал, что их компании набирают новых сотрудников. В ответ я слышал гулкую тишину, после чего разговор приходил к финальной точке и пожеланиям мне приятной осени.

– Сейчас я ищу новое место работы, – сказал я.

– И как продвигаются поиски?

Хороший вопрос. *Как* они продвигаются? По состоянию на это утро баланс явно сдвинулся в красную зону. Я не могу найти работу в своей области; мой брат умер; и я, похоже, стал владельцем Парка приключений.

– Я уверен, что ситуация разрешится разумным образом, – сказал я.

Вроде бы этот ответ удовлетворил адвоката. На его лице появилось такое выражение, словно он только что вспомнил что-то важное. Он снова обратился к своей папке. Конверт.

– Ваш брат оставил вам сообщение. Письмо. На всякий случай. Это была моя идея. Я сказал ему, что, как только завещание будет составлено, ему придется не откладывая сделать две вещи. Из-за его диагноза. Оплатить мои услуги и поприветствовать вас.

– поприветствовать?

– Он выразился именно так. Я не знаю, что там. Как видите, конверт запечатан.

И правда. На конверте формата А5 было написано мое полное имя: «Хенри Пекка Олави Коскинен». Почерк Юхани. Когда мы виделись в последний раз?

Примерно три месяца назад мы обедали с ним в районе Валлила. Я оплатил пиццу с пепперони, потому что Юхани забыл бумажник в машине. Разумеется, теперь я задумался: возможно, у него, помимо забывчивости, было чуть больше проблем с бумажником. О чем мы тогда разговаривали? Юхани рассказал о некоторых новых приобретениях для Парка приключений. Я упомянул об аксиомах теории вероятности Колмогорова и объяснил Юхани, что он должен совершать крупные покупки по одной за раз и лишь после того, как станет понятно, как много новых клиентов привлекает в парк каждое очередное приобретение. Юхани не выглядел больным, тем более – смертельно больным. Тем более – как человек, только что составивший завещание. А как обычно выглядят люди после составления завещания? Уверен, не существует общего для всех выражения лица, хотя эти люди заглядывают за грань невозможного, пытаясь повлиять на жизнь после смерти.

Я вскрыл конверт и достал из него сложенный лист бумаги.

ПРИВЕТ, ХЕНРИ!

На самом деле я не умер! Ха-ха-ха! Я знаю, что ты не смеешься, а мне хочется посмеяться. Ничего другого в голову не приходит. Нет, серьезно, если ты это читаешь, значит, я, скорее всего, действительно умер. Врачи говорят, что с моим пороком сердца все настолько хреново, что времени у меня гораздо меньше, чем я планировал. В любом случае думаю, сейчас ты уже в курсе. Я умер, а Парк приключений принадлежит тебе. У меня есть одно последнее желание. Мне никогда особенно не везло с деньгами, и с финансами Парка все не очень хорошо, не говоря уже о моих личных финансах. Мне никогда не хватало терпения все тщательно просчитать, взвесить и прийти к окончательным выводам. Но ты – гений математики! Как думаешь, сможешь ты вместо меня сохранить Парку жизнь? Это мое последнее желание. Вообще-то, это мое единственное желание. Вряд ли я когда-нибудь об этом говорил, но из всех моих бизнес-проектов – а ты знаешь, что за долгие годы их у меня было достаточно, – Парк самый важный. Я хочу, чтобы он был успешным. Ты, наверное, задаешь себе вопрос: почему. Боюсь, причин для этого не меньше, чем кредиторов. Мне хочется, чтобы мне хоть что-то удалось. Чтобы после меня хоть что-то осталось. Есть и еще одна причина, которую ты узнаешь, когда справишься с задачей. Помнишь, как мы проводили лето у бабушки, подальше от дома, где вечно творилось черт знает что? Сейчас я часто вспоминаю те времена. Ты сидел в доме и считал, а я играл на улице. Но на рыбалку мы всегда ходили вместе. Если я умер, то сядь дома, все посчитай, спаси Парк, а потом иди на рыбалку. Червей я заготовлю. (Извини, обязательная шутка – не смог удержаться.) Но все остальное – смертельно серьезно.

ЮХАНИ

Я почувствовал раздражение, граничащее с яростью. В этом был весь Юхани. С его полным и абсолютным отсутствием ответственности. Письмо было явно написано в спешке. Без предварительного обдумывания. Под влиянием минуты. В нем не содержалось ни одной рациональной мысли, ни одного серьезного аргумента. На месте детального анализа и ясного заключения зияла пустота. В тысячный раз в своей жизни мне захотелось сказать ему, что он порет чушь.

Но Юхани умер.

Меня охватила печаль. Я был зол, сбит с толку, раздосадован и – необъяснимым образом – обессилен. Все эти эмоции жгли мне легкие и скребли когтями грудь. Все указывало на то, что теперь я и в самом деле – владелец Парка приключений.

– Это все? – выдохнул я.

– Не совсем, – ответил адвокат, быстро нырнув в свой портфель, и отработанным жестом извлек из него еще один конверт, размером побольше. – Мой счет.

Он положил второй конверт рядом с первым, с письмом от Юхани. Я заметил, что на обоих написано мое имя. Адвокат в последний раз пролистал бумаги и подтолкнул ко мне папку.

– Мои поздравления, – сказал он. – Мои соболезнования.

4

По осеннему ландшафту ярким, наводящим на мысли о генетической модификации пятном расплзался парк «Заходи, здесь весело». Почти двухсотметровая коробка из жести и стали, раскрашенная в ослепительные красно-оранжево-желтые цвета, мозолила глаза вне зависимости от того, через какие линзы ты на нее смотрел. Очевидно, кричащая раскраска была призвана создать атмосферу потного веселья и игр для каждой семьи, входящей в эти ворота. В высоту Парк приключений достигал метров пятнадцати. Внутри поместились бы стадион и авиационный ангар, несколько школ и парковка для грузовых фур. «Заходи, здесь весело» располагался сразу за городской чертой Хельсинки.

После визита адвоката минуло два дня и две почти бессонные ночи.

Я случайно сошел с автобуса на одну остановку раньше. Чем ближе я подходил к Парку, тем труднее было идти. Не потому, что дорога шла чуть в горку, и не потому, что в лицо задывал легкий ветерок, и не потому, что мне хотелось насладиться видом кобальтово-синего неба и почти белого вечернего солнца. Скорее, дело было в том, что мной владели неверие, отчаяние и отчаяние, которые пухли во мне тем ощутимее, чем неотвратимей я приближался к Парку. Что-то как будто толкало меня развернуться в обратную сторону и поскорее убраться отсюда, даже ни разу не оглянувшись. Предполагаю, что это был голос разума. В то же самое время я слышал голос Юхани: «Это мое единственное желание».

Я мало что знал о работе Парка приключений. Я знал, что Юхани не принимал участия в каждодневной работе Парка. Двери открывались и закрывались без него. У него был в здании кабинет, но он много времени проводил в так называемых деловых разъездах. О том, кто занимался систематическим управлением Парка, я не имел ни малейшего представления. Парковка – залитое бетоном пространство размером с три футбольных поля – была заполнена наполовину. В основном – семейные седаны, по большей части не новые. Я посмотрел на буквы на крыше здания.

ЗАХОДИ, ЗДЕСЬ ВЕСЕЛО

Буквы, казалось, стали еще больше, чем в мой прошлый и, надо добавить, единственный визит. К моему удивлению, они выглядели почти угрожающе. Я поймал себя на мысли о том, что должен вести себя осторожно, чтобы не напороться на острия букв «Х» и «Б» и не попасть в ловушку «О». Откуда взялась эта мысль? Я мог только предположить, что событий последних дней было достаточно, чтобы вызвать столь нерациональные соображения. Направляясь к входу, я еще раз бросил взгляд на крышу.

Внутри я встал в очередь к билетной кассе. Обстановка в фойе намекала на то, к чему следует готовиться: пронзительные вопли детей и более тихие и гораздо менее возбужденные переговоры мамаш и папаш. Полукруглый прилавок длиной метров десять был окрашен в те же цвета, что и сам парк. Над этим оранжево-желтым сооружением изгибался гигантский купол. В промежутке между ними, словно букашка, накрытая гигантским психоделическим космическим шлемом, стоял человек в форме цветов парка.

Это был молодой, лет двадцати пяти, парень, с бейджиком на рубашке. Большими белыми буквами было написано: «Заходи, здесь весело» и черными буквами помельче: «Кристиан». Кристиан оказался кареглазым и мускулистым. Судя по свисавшей у него с пояса сумке с инструментами, он отвечал за техническое обслуживание аттракционов. Он стоял за полукруглым прилавком и выглядел там, с одной стороны, на своем месте, а с другой – совершенно не к месту.

Когда подошла моя очередь, я замер.

Что я здесь делаю?

Изначально я планировал сообщить сотрудникам, что Юхани скончался и Парк перешел в мою собственность. Но сейчас я понял, что этого недостаточно. Я не подумал о Кристиане и других сотрудниках. И совсем не подумал о клиентах, которые толпились здесь даже в этот утренний час.

Все выглядело так, словно в мире нет ровным счетом ничего, что способно подготовить человека к тому, чтобы унаследовать парк приключений.

Я представился Кристиану и сказал, что хочу поговорить с тем, кто отвечает за работу Парка. Он спросил, почему бы мне не поговорить со своим братом. Я сказал, что это невозможно, потому что Юхани скоропостижно умер и Парком теперь владею я. Улыбка с лица Кристиана исчезла, и он сказал, что всем управляет женщина по имени Лаура Хеланто. Я спросил, как мне с ней встретиться. Кристиан прижал к уху телефон – я даже не успел предупредить его, что предпочитаю сообщить новости этой Хеланто лично. В эту минуту Кристиан говорил в трубку, что Юхани умер, а сюда пришел некто, утверждающий, что он его брат, но он не похож на Юхани, и надо ли проверить у меня документы, а то вдруг это очередное нигерийское мошенничество... Ладно, балтийское... Хорошо... Ладно, пока. Кристиан закончил разговор и снова повернулся ко мне. Мы молча стояли по разные стороны прилавка и ждали. Наконец он заговорил:

– Юхани был очень хорошим боссом. Он нас не контролировал. Не торчал у тебя за плечом и не считал каждый грош.

Ты не ошибаешься, подумал я. Затем сообразил, почему мне показалось странным, что Кристиан стоит за прилавком.

– Почему вы в билетной кассе? – спросил я и указал на его сумку с инструментами. – Похоже, что вы тут должны заниматься немного другими вещами.

– Венла сегодня не пришла.

– Не пришла? Почему?

– Она не может встать.

– Заболела?

– В каком смысле? – спросил Кристиан, и в его голосе впервые зазвучало беспокойство. – Вы что-то о ней слышали?

Не успел я открыть рот, как у меня за спиной раздался женский голос. Голос поздоровался. Я повернулся и пожал протянутую мне руку. Лаура Хеланто, темная шатенка, носила очки в темной оправе; ее выющиеся волосы торчали во все стороны и спускались до плеч. Ее сине-зеленые глаза глядели на меня с живым любопытством. Ей было около сорока, может, на год-два больше, как и мне. Сантиметров на двадцать пять ниже меня, среднего для финки роста. Я довольно точно определяю рост людей, потому что сам довольно высокий – метр девяносто два. Я давно привык к постоянным бессмысленным вопросам на эту тему.

Лаура Хеланто окинула меня быстрым взглядом – буквально осмотрела с ног до головы – и выразила свои соболезнования. Не знаю, как принято на них отвечать, а по выражению ее лица было трудно сказать, действительно ли она соболезнует или продолжает изучать мой внешний вид.

Затем мы быстро пошли прочь.

– Пончик, – сказала Лаура Хеланто и указала на огромную пластиковую прозрачную трубу, в которой несколько детей врезались друг в друга и отскакивали от мягких стен. – Наше первое приобретение. До сих пор один из самых любимых клиентами аттракционов парка. В

нем можно бегать по стенам, презируя силу гравитации. Если вам все это уже известно, просто скажите.

– Мне вообще ничего не известно, – сказал я. Это была правда.

В душном воздухе витал какой-то неопределенно-сладковатый запах, сочетание ароматов еды из кафе, средств для дезинфекции и человеческих выделений. Со всех сторон неслись пронзительные крики, вопли и визг. Я постоянно смотрел себе под ноги, пока не понял, что боюсь ненароком наступить на одного из маленьких клиентов.

– Спрашивайте все что придет в голову, – сказала Лаура Хеланто.

Мы резко свернули направо, и она посмотрела на меня. В этом взгляде я уловил все то же любопытство. Когда она повернула голову, ее пышные волосы подпрыгнули, словно под порывом ветра.

– Теперь это ваш Парк. Вон там – Замок приключений. Единая огромная конструкция. Есть два разных пути прохождения через него. В каждой части замка лезть надо немного по-другому, и препятствия там разные. С точки зрения поддержания в рабочем состоянии это одно из самых проблемных мест в Парке. Там всегда что-нибудь сломано. Мы даже в шутку называем его не Замок приключений, а Замок запчастей. Степень износа многих конструкций очень высокая. Никогда не подумаешь, что тридцатикилограммовый ребенок может вести себя, как Терминатор, но это так и есть.

– Ясно, – сказал я, чувствуя растущий в душе ужас. – А ремонтом занимается?..

– Кристиан, – кивнула Лаура. – Вы с ним уже познакомились. Хороший парень. Умелый. Но...

Лаура явно подыскивала нужные слова.

– Иногда до него бывает трудновато донести нужную информацию. Но он добросовестный и трудолюбивый. Не то что...

– Венла.

Лаура удивилась. В этот момент наш шаг немного замедлился, и я смог посмотреть куда-то еще, кроме своих ног.

– Кристиан сообщил мне, что сегодня утром Венла не могла встать с постели.

– Этим утром! – фыркнула Лаура, явно имея в виду что-то другое. Рукой она откинула со лба волосы. – Так. Отсюда стартуют гоночные машинки. Всего у нас тридцать машинок. Маршрут огибает почти все здание. Как следует из названия, это не совсем «Формула-1». Эта гонка – хороший способ утихомирить буйных детей. Усаживаете их в машинку, даете им немного покататься, и постепенно они успокаиваются. Я уверена, вы и сами это знаете. У вас есть дети? Ребенок? Извините, это не мое...

– Ничего страшного, – прервал я ее. – Я живу один. С учетом всех случайных переменных это наиболее разумный вариант. Вы хотите сказать, что Венла и в другие дни с трудом выбирается из постели? Тогда почему она здесь работает? За что конкретно ей платят?

Мы остановились. Одна из темно-зеленых машинок с номером «13» на капоте пришла в движение. Водителю было года три, и он смотрел на нас, а не на дорогу впереди. За ним сидел его отец, выглядевший так, будто на следующем повороте заснет. Ничего страшного не произошло бы: машинки двигались со средней скоростью меньше, чем скорость ходьбы.

– Вы и Юхани когда-нибудь разговаривали о?.. – Лаура замялась. – О нашем... То есть о финансовом состоянии дел в Парке?

– Не в деталях, – сказал я. – Иногда он рассказывал мне о новых приобретениях, Ружьях-трюмбонах, поезде «Варан», возможно, о Пончике, возможно, о каких-то еще вложениях, но кроме этого... – Я покачал головой. – Нет, не разговаривали.

– Ладно, – сказала Лаура. – Извините. Я думаю, что вы в курсе хотя бы в общих чертах. Думаю, лучше начать с другого. Объяснить, кто я и чем занимаюсь. Моя официальная должность – менеджер парка. Это означает, что я отвечаю за каждодневную работу Парка, прове-

ряю, чтобы все функционировало как надо и чтобы наши сотрудники были на месте в нужное время. Я работаю в этой должности уже два с половиной года. Сразу признаюсь, что не планировала для себя такую карьеру. Я профессиональный художник, но... Жизнь вмешалась в планы. Сами знаете, как это бывает.

– Совсем не уверен, – честно ответил я. – Как показывает мой опыт, механический перенос законов пропорциональности с одних вещей на другие часто уводит нас в сторону.

Лаура Хеланто, уже не таясь, смотрела на меня во все глаза. Ее взгляд был задумчивым, а на лице появилось выражение озабоченности. Возможно, даже не озабоченности, а подозрительности.

– Тяжелый развод... И у меня есть дочь. Туули. Ей нужны дорогие лекарства от аллергии, – после небольшой паузы произнесла Лаура. – Но вы спрашивали про Венлу. Ее нанял Юхани.

И секунды не прошло, а и ее голос, и тема разговора кардинально изменились. Я предположил, что с рассуждениями о вмешательстве жизненных обстоятельств в личные планы покончено. Меня это устраивало.

– Учитывая то, что я узнал о ее поведении, ее прием на работу не кажется очень разумным решением, – сказал я.

Лаура смотрела на блестящие горки.

– Ваш брат всегда хотел дать людям шанс.

Мимо нас пробежала группа маленьких людей. Уровень децибел достиг масштаба рок-концерта. Когда крики немного стихли, я осмелился заговорить снова.

– Понимаю, – сказал я, хотя до конца не понимал. – Сколько у нас всего сотрудников?

Мы снова двигались. Лаура Хеланто прокладывала путь; я следовал за ней, хотя мы шли рядом. Она была обута в пестрые кроссовки на толстой подошве. Шагала она походкой человека, привыкшего много ходить пешком. От ее волос исходил очень приятный аромат, но мое внимание привлекали в основном ее глаза. Она обладала уникальной способностью рассматривать собеседника, полностью избегая зрительного контакта.

– У нас семь штатных сотрудников, занятых полный день, – сказала она. – Скоро я вас с ними познакомлю. Плюс есть сезонные работники. В основном в кафе «Плюшка и кружка». Число сезонных рабочих меняется; в зависимости от дня недели их может быть от нуля до пятнадцати. В сентябре и в феврале, когда в школах каникулы, у нас пиковый сезон. Летние каникулы не дают такой загрузки, хотя нам есть чем заняться. Каждому из нас. Иногда я беру с собой Туули. Она быстро заводит друзей, как и большинство детей. Я уверена, вы помните.

Я помнил, но обратное. В детстве мне всегда больше всего нравилась своя собственная компания. Мой ранний опыт подтвердил фундаментальное правило: чем больше людей, тем больше проблем и тем эти проблемы серьезнее.

– Юхани часто здесь бывал?

– Честно говоря, нет. В последнее время я видела его все реже. Если позволите, мне казалось, его полностью устраивает, как я управляю Парком. Он говорил, что его присутствие здесь не нужно, потому что всем занимаюсь я.

– Он когда-нибудь говорил с вами о финансовом положении Парка?

– Да, – быстро ответила Лаура. – Число посетителей у нас стабильно росло. Юхани часто повторял, что дела идут отлично, просто отлично. В особенности в последнее время. Он хлопал в ладоши, шутил с нами и хвалил нас. Недавно он сказал, что заплатит нам премию.

– Премию?

У Лауры снова подпрыгнули волосы – она повернула голову ко мне. Теперь в ее синезеленых глазах появилось что-то еще кроме осторожности.

– Когда мы достигнем поставленной цели по количеству посещений и положительным отзывам клиентов. И пока все выглядит многообещающим. Мы ждем премию в конце года – как рождественский подарок.

– На это Рождество?

– До Рождества всего восемьдесят семь дней, – сказала Лаура. – Я это знаю, потому что у меня есть друг в Фейсбуке, который каждую неделю сообщает, сколько дней осталось до Рождества. Бог свидетель, мне нужна эта премия, иначе это будут очень мрачные праздники. Для меня и Туули.

Перед моим внутренним взором предстала совершенно другая сторона характера Юхани, который в принципе жил в другой реальности и делал все что заблагорассудится. Мы остановились. Лаура показывала мне аттракционы и объясняла, как они работают. Говорила она быстро и с энтузиазмом. Размеры Парка вызвали у меня определенные физические ощущения, и не сказать, чтобы приятные. Лаура показала на горки.

– Не желаете попробовать?

Я посмотрел на нее. Она улыбнулась.

– Шучу, – сказала она, уже серьезно. – Извините, вы не в том настроении. Когда кто-то близкий внезапно ...

– Мы не были особенно близки... – ачал я, прежде чем сам заметил, что открыл рот. – Я многого не знал о Юхани. Похоже, я вообще ничего о нем не знал. Знал, что у него было это... – казал я и покрутил правой рукой в воздухе, словно вращая перевернутую кастрюлю. – Но должен признать, оказывается, я вообще ничего не знал об этом месте. Это... Сюрприз. Во всех смыслах.

Лаура Хеланто смотрела на меня с напряженным ожиданием. Во всяком случае так я истолковал ее взгляд. Из кафе доносился звон посуды. Какой-то ребенок звал маму. Упорно, не останавливаясь.

– Как вам все это?

– Как мне что? – спросил я. Это был честный вопрос.

– «Заходи, здесь весело», – ответила Лаура. В ее голосе слышался намек на гордость.

Я быстро огляделся по сторонам. Что я мог сказать? Что каждая деталь из увиденных и услышанных здесь была, наверное, самым ярким проявлением гротеска, с каким я когда-либо сталкивался. Пигмеи, которые носились туда-сюда, невыносимое отсутствие организованности, ошеломляющие затраты на техническое обеспечение, непродуктивное использование человеко-часов, экономическая бесшабашность, обещания, которые невозможно исполнить, машинки, передвигающиеся со скоростью черепах? Я прикоснулся пальцами к горлу и проверил положение галстука. Оно было безупречным.

– Ладно, – сказала Лаура. – Должно быть, трудно все это принять сразу. Приносить радость сразу такому числу людей. Давайте пойдем познакомимся с остальными.

Самппа – около тридцати лет, в прошлом – воспитатель детского сада. В каждом ухе у него торчало по серьге, руки покрывала эклектичная коллекция татуировок, шею закутывал толстый красный шарф. Группа детей колотила в тамтамы, пока Лаура рассказывала Самппе кто я и почему я здесь. Самппа прикрыл рот рукой, возможно, пытаясь скрыть изумленный вздох. Он заговорил о целительном холистическом влиянии игры. Мы оставили его и двинулись к кафе.

Заправляла в кафе «Плюшка и кружка» Йоханна. Рыжеволосая, чуть старше меня, невероятно худая. Она выглядела так, словно готовилась к соревнованиям по триатлону или только что в них участвовала. В ее лице было что-то стальное, некая безграничная выносливость. Она предложила смешать мне смузи для повышения уровня ферритина, потому что, по ее мнению, я выглядел усталым. Я сказал, что только что потерял работу и брата и унаследовал Парк приключений. Похоже, это объяснение ее не убедило.

Мы направились к металлической двери между Ружьями-тромбонами и Туннелем призраков. На двери красовалась пластиковая желтая табличка с надписью «АППАРАТНАЯ». Лаура открыла дверь мастер-ключом, мы прошли коротким коридором и оказались перед еще двумя дверями. За первой находилось нечто, похожее на коммутационный аппарат. За второй сидел в офисном кресле с подстраиваемым подголовником широкоплечий мужчина лет пятидесяти с небольшим. Перед ним была стена, увешанная мониторами, из чего следовало, что Парк приключений напичкан видеокамерами гораздо плотнее, чем я заметил во время нашей прогулки. Мужчину звали Эса, и он возглавлял службу безопасности парка. На нем был свитер с надписью «Американский морпех, и горжусь этим». Мне не очень верилось, что он действительно служил в американской армии. С другой стороны, если я сейчас был владельцем Парка приключений, кто знает, чем занимался Эса, пока не очутился в этой аппаратной. Его рот обрамляла небольшая черная бородка, подстриженная с точностью до миллиметра. Приплюснутый нос, голубые глаза с красными прожилками. Мы представились. На этом разговор завершился.

Следующий сотрудник, с которым мне предстояло познакомиться, находился на другом конце комплекса. Минтту К сидела в кабинете. Венецианские жалюзи на окнах были плотно закрыты. Она занимала должность менеджера по маркетингу и продажам. Во всяком случае так она представилась.

Минтту К была чуть моложе меня. Короткие светлые волосы, густой загар. Темно-синий блейзер, как минимум, на один или два размера меньше необходимого. Она очень дружелюбно мне улыбнулась и похвалилась, что может продать что угодно кому угодно. К концу нашего пятнадцатисекундного знакомства я поверил, что это весьма вероятно. Я также был почти уверен, что уловил в воздухе нотки грейпфрута и алкоголя. Минтту К извинилась и сказала, что ей надо срочно позвонить. Она подмигнула мне, вытянула из пачки ментоловых Pall Mall сигарету и зажала ее между пальцев.

– Просто какой-то мелкий козел, которому надо надрать задницу, – сказала она и добавила более мягким голосом: – Слышь, мне очень жаль, что с твоим братишкой так вышло.

Мы прошли назад по коридору, повернули направо и оказались возле кабинета Юхани. На двери висела табличка с его именем. При виде ее я испытал то же недоумение, что во время визита адвоката. Имя висело в воздухе, словно ждало, что кто-то появится и оживит его.

Кабинет выглядел так, будто принадлежит человеку, который не просто владеет Парком приключений. Стол едва не прогибался под грузом бумаг; кофейный столик был завален буклетами; здесь же стоял миниатюрный макет замка, даже с башенками. Из одной из башен выдвигалась доска, похожая на трамплин. Я подумал, что если внизу не будет бассейна, то у этого проекта очень скоро обнаружатся серьезные недостатки.

– Я только сейчас поняла, что не спросила, кем вы работаете.

Слова Лауры вернули меня к действительности.

– Я актуарий, – сказал я. – Но две недели назад подал заявление об уходе.

– Из-за Парка?

Я покачал головой.

– В тот момент я еще не знал о Парке. Я уволился потому, что не мог спокойно смотреть на то, как мое рабочее место превращается в детскую площадку. А вскоре сам такую унаследовал.

Лаура Хеланто улыбалась? Не думаю, что сказал что-то смешное. Она прикрыла рот рукой. Когда она ее опустила, на ее лицо вернулось нейтральное выражение.

– Вы, наверное, хотите все изучить?

Я этого точно не хотел. Но снова услышал у себя в голове голос Юхани: «Мое единственное желание».

Я посмотрел на лежащую на столе грудку бумаг.

В этот момент зазвонил телефон в руке Лауры. Я обратил внимание, что это был обычный телефонный звонок, а не какой-нибудь дурацкий джингл или шум спускаемой воды в унитазе, от которого окружающие должны были захихикать. Крайне разумный выбор, подумал я. Она посмотрела на экран телефона.

– Эса, – сказала она прежде чем ответить на вызов.

Развернулась, назвала собеседнику свое имя и скрылась за углом. В воздухе остался ее аромат.

Луговые травы и полевые цветы.

5

Минус 63 541 евро и 80 центов.

Солнце село. Я изучил только малую часть бумаг, но среди них уже обнаружилась пачка неоплаченных счетов с уведомлением о просрочке толщиной с мой указательный палец. Это была серьезная сумма.

Я включил компьютер Юхани, но, не зная пароля, далеко не продвинулся. Без доступа к содержимому компьютер был не более чем издававшей тихий гул пластиковой коробкой с металлической начинкой. Я выключил его и продолжил расчищать стол.

Я сидел в оставленном Юхани офисном кресле и размышлял над выбором: сжечь тут все или пойти на дно вместе с Парком, как капитан «Титаника».

Сначала я решил, что в последний раз нахожусь в этой комнате и сижу в этом кресле. Я сделал то, что от меня требовалось. Я оценил ситуацию, принял факты и пришел к болезненному, но неизбежному выводу. Во всяком случае так я пытался думать. Но мне не удавалось обуздать свои мысли, которые без остановки ricochetили от одного места и времени к другим.

Иногда я мысленно возвращался к последнему разговору с Перттиля. Иногда убеждал Юхани поступить разумно. Первый был идиотом, второй – покойником.

«Юхани, ты и в самом деле знал, что делаешь, когда пытался настроить автомобильное радио? Ты точно сам выбрал путь, по которому пошел? Невероятной красоты зелень бульвара в августе, возможно, звуки Брамса, льющиеся из колонок?» Наверняка это было приятнее, чем необходимость вникать в условия оптовых поставок для кафе «Плюшка и кружка» или поиск более надежной замены разбитого Бананового дерева.

Смерть.

Я знал многое о смерти.

Не из личного опыта, а из своей работы актуарием. Страховые компании и их оптимистичная реклама никогда об этом не упоминают, но им известно, что некоторые из тех, кого они страхуют, прекратят свои страховые выплаты через один, фигурально выражаясь, удар сердца и отправятся в один конец куда-то, куда их страховым выплатам никогда не добраться. Я мог бы поступить так же: выбежать из офиса и броситься под колеса Варана.

Но нет.

Я был не таким человеком. Я скорее верил: чтобы найти в жизни проблемы, далеко идти не надо, они и сами достаточно быстро нас найдут.

Я потянулся ослабить узел галстука, когда вспомнил, что уже ослабил его несколько часов назад. Пока я смотрел на цифры, до меня дошло, что вместе с Парком я унаследовал все, что есть в этом здании. Ошеломляющая мысль.

Стул, на котором я сижу. Ручка на столе. Качели-трапеции. Самые медленные машинки во всей известной Вселенной. Куртка с логотипом спонсора – производителя шоколадных батончиков, висевшая в холле. Все это.

Юхани умер, а значит, его вещи теперь стали моими вещами. Смерть не была пустой и немой абстракцией, она предстала передо мной тысячей и одним предметом разных форм и размеров, каждый из которых занимал место и издавал звук, если его кидали в мусорную корзину или помещали в коробку для временного хранения.

Я не планировал ничего сжигать. Повторюсь, я не был таким человеком. Я знал, что существуют люди, которые поджигают здание, а потом мастурбируют в близлежащем лесу, глядя на пламя, но не думал, что подобные действия принесут мне нужный результат.

Что более важно, была еще одна папка бумаг толщиной чуть меньше сантиметра. И эта папка беспокоила меня гораздо больше, чем счета и последние предупреждения.

Деловая активность Парка отличалась стабильностью и была почти прибыльной.

Но Юхани практически не платил по счетам и взял под залог бренда Парка еще один кредит.

Я не понимал смысла этого уравнения.

Благодаря своему образованию я знал основы бухучета. Пока что мне не приходилось применять эти знания в работе, но в бухучете используются те же принципы, которые так нравятся мне в математике. Стремление к идеальной ясности, точность, непогрешимый баланс, образцовое оформление. Безупречность.

Мне это нравилось. Разумеется, документы, лежащие передо мной, кишели ошибками. Но, тем не менее, из них явствовало, что Парк функционировал удовлетворительно, возможно даже, хорошо. Я нашел финансовую ведомость, составленную бухгалтером Парка, но в другой пачке бумаг обнаружилось уведомление о том, что договор с бухгалтером прерван, а также счет за его услуги с просроченной датой и отметкой, что счет переслан в агентство по взысканию долгов. В документах не было никаких указаний о привлечении к работе другой бухгалтерской фирмы. Возможно, потому, что ее и не привлекали.

Если Парк в действительности приносил прибыль, то почему Юхани не взял еще один кредит, чтобы предприятие продолжало нормально функционировать? На что он потратил предыдущие кредиты? Явно не на последние приобретения: Безумную спираль и Горку-штопор, прикрепленную к Большой горке. За нее Юхани внес только аванс и первый взнос. Из документов следовало, что неоплаченные счета начали копиться с того времени, когда бухгалтерская фирма разорвала договор с Юхани. Все выплаты практически прекратились. Что-то произошло. Все банковские займы, кроме одного, тоже датировались этим периодом. С учетом долгов и неоплаченных счетов складывалось впечатление, что примерно 200 тысяч евро просто растворились в воздухе.

Двести тысяч евро. Чуть меньше чем за один год. Логично было ожидать, что должны быть какие-то признаки существования подобной суммы. Где они?

На протяжении последних двух лет Юхани ездил на старой «вольво», взятой напрокат. Он жил в однокомнатной квартире, обставленной фанерной мебелью, в которой поселился после развода. Он носил одежду из магазина «Дрессманн», а питался в местной дешевой китайской забегаловке. Тот Юхани, которого знал я – признаюсь, знал плохо, – практически не употреблял таких слов, как «Версаче» и «Савой». Ни за что не поверил бы, что он спустил эти деньги на уход за кожей, маникюр и экстравагантные путешествия за границу. Юхани съездил в Таллинн, провел одну ночь в отеле «Виру» и вернулся в Финляндию. Он выглядел среднестатистическим финном средних лет, у которого нет особенных увлечений, или хобби, или того, что можно назвать страстью. Такие, как он, обходятся в жизни меньшей суммой, чем большинство воробьев. Но эти деньги должны были куда-то деться.

Я как раз задумался над тем куда, когда снова раздался стук в дверь.

6

Я не закрывал дверь. Но вспомнил, что слышал шаги, которые сначала приблизились, а затем отдалились. Дверь закрыл кто-то еще. Зачем? Снова стук. Мне надо было что-то сказать.

– Я здесь, – сказал я. – Заходите.

Ручка повернулась, и дверь осторожно открылась. Интересно, а Парк еще работает? Я посмотрел на часы. Так и есть, закрылся полчаса назад. Не исключено, что я – единственный человек в этом здании. Хотя, разумеется, не единственный: ведь кто-то постучал в дверь. Но никто не зашел в комнату. В проеме я заметил плечо, рубашку и половину лица.

– Что? – спросил Кристиан.

– Да, я здесь... Я же сказал.

– Я не слышал, – сказал он, по-прежнему стоя в дверях.

– Заходите, – сказал, вернее, почти выкрикнул я.

– О'кей, – сказал Кристиан и шагнул в кабинет.

Он остановился возле моего стола. Я указал ему на стул, и он сел. Звякнули о пластиковое сиденье инструменты в сумке у него на поясе. Его карие глаза напоминали зерна миндаля. Мышцы живота бросали вызов застегнутой на все пуговицы форменной рубашке.

– Вы весь день провели в билетной кассе? – спросил я.

Кристиан кивнул:

– Отличные продажи за сегодня. Продал кучу браслетов с тритонами.

– Полагаю, Венла на работу так и не пришла?

Кристиан опустил глаза:

– Нет. Она, наверное, все еще болеет.

Я подумал о недостающих двухстах тысячах евро и вспомнил слова Лауры о том, что Юхани нанял Венлу по причинам, которые не имели никакого отношения к ее способности продавать браслеты с тритонами.

Их что-то связывало? Надо бы поговорить с этой Венлой, если она когда-нибудь явится на работу, за которую мы ей платим зарплату. Мысль была и абсурдной, и раздражающей.

– Она вам звонила? – спросил я. – Вы часто с ней разговариваете?

Кристиан еще больше смутился. Я заметил, как к его щекам прилила кровь.

– Да. То есть нет.

Я подождал.

– Не очень часто, – поправил он себя. Лицо его пылало. – Честно говоря, вообще никогда.

– То есть вы не общаетесь?

– Нет.

– Но вы ее подменяете.

– Да.

– И при этом вы отвечаете за техническое состояние Парка.

– Да.

– Может, Венла должна сама заниматься своей работой?

Кристиан выглядел так, словно проглотил что-то, что не мог протолкнуть в желудок, но не хотел и выплюнуть, чтобы я не увидел.

– Да мне нетрудно.

– А почему бы тогда вам и за других не поработать?

– В смысле?

– Ну, если вам нетрудно?

– Работать за всех? А их куда девать?

– Не знаю, – сказал я. – Туда же, где Венла.

По лицу Кристиана легко было догадаться, что эта идея ему совсем не понравилась.

– Кто-то это предложил?

– Нет, – вздохнул я. – Я такого не слышал. Это был риторический вопрос. Я хотел показать, что избранная вами тактика поведения крайне нелогична.

Кристиан напоминал собой человека, взбирающегося на особенно крутую гору.

– Вы пришли ко мне что-то сообщить? – наконец спросил я. – Это вы стучали в дверь?

– Да, – ответил он с явным облегчением оттого, что я сменил тему. – Я знаю, что это ваш первый день и все такое... Но мы тут разговаривали... В смысле, остальные разговаривали. А я просто слушал. Раз теперь тут новый владелец... Ну, то есть, раз вы – новый владелец, значит, вы отвечаете за...

– Допустим, – кивнул я.

– Дело в том, что примерно месяц назад мы разговаривали с Юхани. У нас было соглашение, и Юхани... Ну, он больше не сидит в этом кресле, и мне очень жаль, но... Раз у нас было соглашение, и все такое... Я бы хотел узнать, когда именно...

Я выждал секунду или две.

– Какое соглашение?

– Ну, мы говорили о том, что... – Кристиан скользил глазами по кабинету, пытаясь на чем-то сфокусироваться, но, судя по всему, без особого успеха. – Понимаете, я должен был стать... В смысле, меня должны были назначить... Не знаю, как вы к этому отнесетесь...

– Вы должны были стать кем-то еще? – попробовал подтолкнуть его я.

– Главным менеджером, – наконец разродился он.

Я был уверен, что ослышался.

– Прошу прощения?

– Боссом. Шефом. Самым главным.

Я наконец понял. Ну разумеется. Юхани планировал сделать Кристиана главным менеджером. Таким главным менеджером, который... не будет присматриваться к каждой детали и изучать каждую подпись. Кем-то, кто будет главным менеджером только на бумаге. Разумеется, оставалась возможность, что у Кристиана – целый букет скрытых управленческих талантов. Я посмотрел на него и подумал о том, что только что услышал. Если у него и были скрытые управленческие таланты, то он прятал их с эффективностью бомбардировщика «стелс».

– Кристиан, – сказал я. – Этого не будет.

Карие глаза Кристиана внезапно остановили свое скольжение по комнате. Он уставился прямо перед собой.

– Нет, будет.

– Нет. Вы...

– Да. Я. Менеджер.

– Вы знаете, Кристиан...

– Не хочу я ничего знать! – пылко воскликнул он. – Я хочу быть главным менеджером.

Мы немного посидели в тишине.

– У нас соглашение, – сказал Кристиан. Его голос понизился на октаву.

Я взглянул на кучи бумаг на столе, с которыми успел ознакомиться. У меня складывалось впечатление, что Юхани умер в чрезвычайно неподходящий момент. Он явно вляпался во что-то еще, кроме экономических неурядиц. Если Кристиан не солгал – а у меня не было причин в этом сомневаться, потому что он казался очень откровенным, – то какой-нибудь месяц назад Юхани попал в ситуацию, которая требовала, чтобы он свел свое присутствие в компании к нулю.

– Кристиан, – осторожно сказал я. – Давайте поговорим об этом позже.

Он вскочил со стула и протянул мне руку.

Я встал и пожал ее.

Кристиан воспользовался этим, чтобы потрясти мою – в буквальном смысле слова. Я чувствовал силу его хватки. Эта сила словно струилась у него из тела, и даже тектонические мышцы груди участвовали в завершении нашего разговора.

– Договорились, – сказал он.

Я открыл было рот, но в последний момент прикусил язык. После паузы я сказал:

– Вернемся к этому разговору позже.

Похоже, Кристиана это устроило. Он выпустил мою руку. Повернулся и шагнул к открытой двери. В дверном проеме он остановился, снова развернулся и вытянул руку. Сложил большой и указательный пальцы пистолетом и сделал попытку подмигнуть мне, но ему удалось лишь моргнуть обоими глазами.

– Клево, – сказал он.

7

Человек махал у меня перед лицом пачкой документов. «Ла-ла-ла-ла-ла!» – издевательски приговаривал он. Он пятился от меня, а я на него надвигался. Я попытался схватить бумаги, но руки у меня налились свинцом и почти не двигались. Человек продолжал меня дразнить. Я не мог разглядеть его лицо. Его части – рот, нос, щеки, лоб – беспрестанно менялись местами. Эти документы содержали нужную мне информацию; они объясняли, куда делись деньги. Наконец я заставил себя сделать рывок; нырнул и схватил...

Я проснулся за миг до того, как упал на пол. Но все-таки упал. Упал я на левый бок, врезавшись правым кулаком, которым тянулся за бумагами, в прикроватный коврик. Боль от падения наступила с легкой задержкой. Я уже вставал, пошатываясь, на ноги, когда понял, что ударился еще и головой. Удар пришелся на ламинат рядом с ковриком. Левая часть лба начала пульсировать. Я исхитрился встать и оценить ситуацию.

Часы на прикроватном столике кроваво-красными цифрами показывали время: 03:58.

Шум разбудил Шопенгауэра, который следил за мной с края кровати. Я ничего не сказал. Не хотел спорить насчет его ночных перекусов. Натянул халат и шерстяные носки. Прошел на кухню, выпил стакан воды и открыл дверь на балкон. Цементный пол охлаждал ноги, в воздухе веяло свежестью. Стояла абсолютная тишина.

Домой я приехал измотанный. Быстро поел – несколько холодных сосисок и кислое яблоко – и отправился спать. Мой первый день в Парке приключений оказал на меня такой же эффект, какой он оказывал на всех наших посетителей. Во всяком случае так сказала Лаура Хеланто. Когда весь день носишься по парку, вечером отключаешься моментально. Спорить с этим было бы бессмысленно – она сказала чистую правду.

Холод больше не казался мне неприятным. Лоб у меня по-прежнему пульсировал. Тупая боль постепенно утихала. В памяти всплывало многое из того, что я услышал от Лауры Хеланто. Как будто кто-то невидимый с регулярными промежутками кидал камень за камень в неподвижный пруд ночи. Ее удивило, как скоро я прибыл в парк после смерти брата. Я не понимал, что тут такого. Она сказала, что мне нужно время, чтобы пережить утрату. Неужели я не намерен дать себе возможность предаться скорби? В этот момент разговора мы как раз подошли к сломанному Банановому зеркалу, но тут случилось нечто непредвиденное, и ответить ей я не успел. Но сейчас, как и в любой другой день, я разговаривал с людьми, которых здесь не было.

Я мысленно ответил ей, что не вижу, как эта ситуация изменится к лучшему, если я буду сидеть на диване, размышляя о будущем и природе смерти, тем более, что мои размышления никоим образом не могли повлиять на состояние дел в Парке.

С похоронами все было улажено. Адвокат сказал, что он все организовал в соответствии с инструкциями, полученными от Юхани. Я выберу гроб, который в надлежащее время отправится в печь крематория. После этого мне сообщат, когда можно будет захоронить урну с прахом. Никакой церемонии прощания не предусмотрено. Никаких приглашенных. Никому не захочется жевать сухие фрикадельки с теплым картофельным салатом и лежалые булочки с корицей, доставленные кейтеринговой компанией. Никому не захочется слушать священника, восхваляющего покойного, которого он в жизни не видел и о существовании которого только что узнал. Я предположил, что мне сообщат, где закопать урну, а также скажут, где взять веревку – чтобы опустить урну в могилу, а затем последовать за Юхани в объятия земли. Но больше меня волновал другой вопрос: какое время считается достаточным, чтобы пережить такую утрату?

Юхани был моим братом.

В детстве мы не ведали никакой стабильности.

Наши родители по очереди теряли контроль над различными аспектами обычной жизни. Выражение «из огня да в полымя» является для их описания идеальным. Когда они обуздывали, хотя бы временно, свою богемную привычку к алкоголю, не проходило и недели, чтобы они не начали закупать ненужные вещи, которые не могли себе позволить. Когда ситуация достигала почти катастрофического уровня, они ухитрялись притушить свою страсть к бараклу, переезжали и начинали все с нуля в вонючей коммуналке, возглавляемой бородатым мужчиной в слишком коротком для него шерстяном свитере, который – это было очевидно даже ребенку – спал со всеми женщинами в доме. Когда наш импульсивный отец узнал правду, мы снова переехали, и в виде мести Мистеру Утопия направились напрямик в мир капитализма. Родители занялись торговлей пластиковой посудой, пока наша слишком дорогая съемная квартира не оказалась доверху заполнена одноразовыми тарелками и контейнерами всех форм и размеров; чтобы за них расплатиться, они решили открыть кукольный театр. Даже в тринадцать лет я понимал, к чему это приведет. К очередной катастрофе.

И так далее.

Ничто никогда не имело никакого смысла.

В юности я поклялся, что моя жизнь будет основана на признании фактов, на разуме, планировании, контроле, оценке потенциальных преимуществ и рисков. Даже в детстве ключ к этому я видел в математике. Люди нас предавали – цифры нет. Я рос в окружении хаоса, но числа символизировали порядок. Покончив с уроками, я ради удовольствия занимался разнообразными вычислениями. По математике я опережал одноклассников на два года.

Наши родители умерли, когда нам с Юхани было чуть за двадцать. В их смерти не было ничего драматического. В каком-то смысле родители умерли от старости, хотя им не было еще и шестидесяти. Полагаю, их преждевременно состарила бесшабашная жизнь и попросту вымотали бесконечные авантюрные предприятия. Их последней сумасшедшей затеей был фестиваль болгарского йогурта, который они снова организовали совершенно по-идиотски: импортировали огромное количество йогурта и хранили его дома до начала фестиваля.

Но какое отношение это все могло иметь к Юхани и оплакиванию его смерти?

Опираясь на металлические перила своего балкона, я думал, что в каком-то смысле давным-давно оплакал его, как и своих родителей. Юхани и наши родители были птицами одного полета. Казалось, его это несколько не беспокоило. Как и они, он скользил из одной безвыходной ситуации к другой, неизбежно оставляя за собой дымящиеся руины. Снова и снова сбегая подальше от вызванного им разрушения и смеясь на ходу. Наверное, поэтому я так на него злился. И, разумеется, на то, что он завещал мне Парк приключений с загадочными долгами на сотни тысяч евро.

Вцепившись руками в холодный металл перил и наполняя легкие прохладным ночным воздухом, я наконец понял, что это – история моей семьи.

«Заходи, тут весело!» – то был Юхани. Это были наши мать и отец.

«Заходи, тут весело!» – то была наша семья.

Именно поэтому все оказалось так трудно.

Я не забыл разговоров с родственниками. Я пытался показать каждому из них несостоятельность избранного ими жизненного пути, подчеркнув риски пофигизма, которым было отмечено все, что они делали. В каждом случае я оперировал фактами. Какую цену в реальности придется заплатить – вопреки их надеждам и ожиданиям. Как одно решение влияет на следующее. Каким может быть наиболее вероятное развитие событий и к какому финалу оно приведет. Все эти разговоры всегда заканчивались одинаково: спор, оскорбления, обида, обиженное молчание, напряжение – и новый спор.

Пока все они не умерли.

С цементного пола тянуло холодом. У меня заболели ноги. Звезды напоминали булавочные головки, освещенные яркой светодиодной лампой.

Мысль накатила волной, зародившейся давным-давно; она была как набирающий скорость поезд, и я знал, что он приближается. Я знал, о чем эта мысль, задолго до того, как смог облечь ее в слова. Я знал, к какому решению в итоге приду. Хотя на долю секунды мне захотелось всего этого избежать: мыслей, заключений, последствий. Ответственности, которую мне придется взять на себя.

8

Лаура Хеланто в одиночестве обедала во дворе за Парком приключений, на служебной территории, где специально для сотрудников расставили садовую мебель. Я спустился по лязгающим металлическим ступеням разрушенной эстакады и направился к ней. С учетом времени года день стоял безветренный и теплый. Синело безоблачное небо. Мир казался ярким, открытым и неподвижным.

Я сделал глубокий вдох.

Предыдущий вечер и ранние часы этого утра я потратил на изучение бумаг Юхани. Мое отчаяние стало только глубже. Хотя я думал, что, возможно, отыскал посреди этого финансового хаоса крохотный проблеск надежды.

Лаура в правой руке держала вилку, а в левой – телефон. Она посмотрела вверх, только когда я был в трех шагах от стола. В ее очках отражался солнечный свет, но я уловил в ее глазах удивление прежде, чем она улыбнулась.

– Ой, привет, – сказала она.

– Я понял, что учет мелкой наличности живет своей собственной жизнью, – сказал я и присел за стол напротив нее. – Кто за это отвечает?

Лаура промолчала, насаживая на вилку кубики огурца из пластикового контейнера. Ее улыбка исчезла.

– Юхани назначил ответственной меня, – сказала она.

– Почему?

– А что? Что-то не так? Я всегда сдавала ему отчет о продажах за предыдущий день. Каждое утро. Как мы и договаривались. А каждый понедельник – отчет за неделю. А в конце месяца – месячный отчет. Распечатывала на бумаге. Это все у него на столе. Он сам так попросил.

– Да, – сказал я. – Звучит хорошо. Отчеты по мелкой наличности. Я обнаружил на столе самый свежий плюс несколько десятков предыдущих. Но почему?.. Юхани не сказал? Или раньше это делалось по-другому?

Огуречный кубик застыл в воздухе. Вилка остановилась на полпути между ее ртом и контейнером.

– Если я правильно понимаю, документы отправляли бухгалтеру одним файлом, прямо с компьютера, – заговорила она. – Но Юхани сказал, что уволил бухгалтера и ищет нового. И попросил, пока его не наняли, присматривать за кассой и отчеты сдавать ему.

В ее лице мелькнуло что-то похожее на неуверенность. Она вернула вилку в контейнер.

– А что, с этим какая-то проблема? – спросила она.

Краткий ответ был «да». Факт заключался в том, что на счет поступало достаточно много денег, но еще больше с него выводилось. Чем дальше я продвигался, складывая эту головоломку, – визит адвоката; Кристиан с его мечтой о должности исполнительного директора; два бухгалтерских отчета, один из которых был явно нарисован; недавние кредиты Юхани; другие долги Парка – странности только нарастали. Я не успел ответить, потому что Лаура Хеланто снова заговорила:

– Все, что я знаю, это то, что дела в Парке идут хорошо. Я обо всем позаботилась, как мы и договаривались.

Похоже, Лаура Хеланто говорила честно. И это было еще одной проблемой. Кристиан тоже казался честным, как и адвокат. Все были честными, но это не объясняло, куда пропала крупная сумма денег.

– У вас есть опыт в таких делах? – спросил я.

– В каких делах?

Она ответила быстро. В очках снова короткой вспышкой отразилось солнце.

– В корпоративных финансах, – сказал я. – «Заходи, здесь весело» – компания скорее среднего размера, чем маленький стартап. Поэтому...

– А у вас... – ачала она. – У вас есть такой опыт?

Такого вопроса я не ожидал, хотя это был совершенно разумный вопрос. Возможно, Лаура это заметила.

– Нет, – честно ответил я. – Никакого.

Мы посмотрели друг на друга. Лаура Хеланто молчала. Мне тоже нечего было добавить. Я не хотел озвучивать никаких предварительных, не до конца продуманных выводов. Это не принесло бы пользы мне и не разрешило бы ситуацию.

– Я просто пытаюсь понять, как здесь все устроено, – сказал наконец я и не солгал. – Для меня все здесь в новинку. У нас достаточно посетителей. Это плюс. Как вы и говорили, Парк действует успешно.

Я снова не сказал всего. Парк действовал успешно – *с учетом всех обстоятельств*. Лаура окинула меня коротким взглядом. Она явно расслабилась. Снова подняла вилку и почти донесла до рта.

– Вы уже пообедали? – спросила она.

– Нет, – сказал я и понял, что никаких планов насчет обеда не составил. Я был голоден. – Я не... Может, возьму что-нибудь в «Плюшке и кружке»...

– Вот фалафель и хумус, – сказала она, придвигая ко мне маленькие пластиковые коробочки. – Я уже поела. Съем еще огурцов. Я много с собой взяла.

Я посмотрел на коробочки. Еда в них выглядела так, как будто из них кто-то уже ел. Несмотря на голод, у меня не было ни малейшего желания доедать объедки за тем, кого позже я, возможно, стану подозревать в присвоении чужих денег.

– Нет, спасибо, – сказал я.

Лаура продолжила есть огурцы. У нее зазвонил телефон. Она посмотрела на экран, раскрыла телефон. Возникла красочная картина. Несмотря на блики, я понял, что это картина. Лаура вздохнула и снова взглянула на меня.

– Извините, – сказала она. – Один тип хочет купить картину, но предлагает за нее меньше, чем я потратила на краски. Вот так сейчас обстоят дела. Люди все хотят получить даром. Никто не желает платить художнику за труд. Все думают, что, если бы у них было время и желание, каждый мог бы написать что-то похожее. Даже лучше.

– Можно посмотреть? – неожиданно для самого себя спросил я.

Такое случилось со мной уже во второй раз. Вчера я к собственному удивлению начал рассказывать Лауре Хеланто о своих отношениях с братом. Я не совсем понимал, что происходит.

– Конечно, – сказала она и повернула телефон ко мне.

Экран был заполнен яркими красными и белыми пятнами. Похоже, картина была немаленькой. Она не изображала что-то конкретное, но вскоре в этих переплетениях красок я начал замечать какие-то фигуры и даже движение. Через какое-то время до меня дошло, что я почти загнипотизирован. Мне стоило усилий оторвать глаза от экрана.

– Впечатляюще, – инстинктивно сказал я и тут же почувствовал, что ступил на опасную территорию. Я не мог понять, почему продолжаю говорить. – Сильная картина. Чем дольше на нее смотришь, тем больше видишь. Она живая. В ней все время появляется что-то новое.

– Спасибо, – сказала Лаура и выключила телефон. – Приятно это слышать.

Мне хотелось прекратить этот разговор, но я почему-то продолжал сидеть с ней за столом. Я начал его с чисто бухгалтерских вопросов, а закончил туманными художественными метафорами. Не похоже на меня. Я встал, стараясь не смотреть на Лауру Хеланто.

– Значит, в вас все-таки есть творческая жилка, – сказала она.

– Какая-какая жилка? – Это вырвалось у меня само.

– То, что вы сказали о моей картине. Не ждала от вас таких слов.

А что я должен был сказать? Что я понятия не имел, откуда у меня взялись эти слова?

– Приятно такое слышать. Особенно потому, что в последнее время мне трудно пишется. Спасибо за поддержку.

– Не за что.

У меня в ушах раздался гул – и это не был гул машин на шоссе поблизости. Лаура наклонилась над столом. Ее плечи поднялись.

– Когда вы приехали, вы сразу перешли к делу. Никакой болтовни. Вы даже не поздоровались, не спросили, как у меня дела.

– Я никогда никого об этом не спрашиваю, – сказал я и тут же почувствовал, что расслабляюсь. Это была легкая тема: я знал, о чем говорю.

– Ну да, – кивнула Лаура.

– Мне не нужно знать, как дела у других людей. Мне неинтересно, что они думают, что делают, что чувствуют. Мне неинтересны их планы, их надежды и цели. Поэтому я не спрашиваю.

– Ну да, – повторила Лаура.

– За исключением экстремальных ситуаций.

– Ну да.

Я по-прежнему стоял рядом с ней. Лаура Хеланто улыбалась? Ее реакция удивила меня не меньше своей собственной. Я не собирался делиться с ней своими мыслями; просто это произошло. Меня охватило чувство дискомфорта. Меня больше всего занимали бухгалтерские и финансовые нестыковки. Я видел свою цель в том, чтобы разобраться с ними до конца. А не это... Что именно? Я не знал. Ни точно, ни приблизительно, ни даже в общих чертах. Почему я все еще здесь стою и смотрю в глаза Лауре Хеланто? Я чуть было снова не ляпнул что-то непредвиденное, когда меня спас оглушительный вопль за спиной.

– Эй, Гарри! – крикнул Кристиан с погрузочной площадки, махая руками. – Тут два парня. Пришли с тобой повидаться. Они в твоём кабинете. Говорят, они тебя знают. И знают, где ты сидишь.

Я сделал шаг к Кристиану и повернулся к Лауре.

– Никто не зовет меня Гарри, – сказал я. – Мне не нравится это имя.

– Ну да, – сказала Лаура Хеланто, а затем добавила – Значит, Хенри.

И да, она улыбалась.

9

Первое впечатление: мужчины являлись полной противоположностью друг друга – как небо и земля.

На старшем, моего возраста, была синяя рубашка с воротником, черный пиджак, светлые джинсы и светло-коричневые топ-сайдеры. Как только я вошел в кабинет, он продемонстрировал, что знает, кто я такой. И судя по всему, это было известно ему давно.

– Соболезную, – сказал он. – Твой брат был интересным человеком.

Круглое и рябое лицо, глазки маленькие, голубые. Короткие, аккуратно постриженные светло-каштановые волосы зачесаны на левую сторону. Телосложение обычное, если не считать футбольного мяча вместо живота. Мы кратко пожали друг другу руки. Я представился, хотя он, без сомнения, знал, как меня зовут. Я ждал, что он назовет свое имя.

– Сейчас перетрем по-быстрому, – бросил он.

И только.

Я взглянул на его спутника. Тот стоял на другом конце кабинета, почти вплотную к стене. Лысый, молодой, широкоплечий, челюсти безостановочно перемалывают жевательную резинку. Черный спортивный костюм Adidas размера XXL. В правой руке – здоровенный смартфон, из ушей торчат белые наушники. Общее впечатление – недоразвитый мутант.

– Чем могу быть полезен?

Старший прошествовал через кабинет, словно у себя дома, и закрыл дверь в коридор. Затем указал мне на мое же кресло, приглашая сесть, и вытянул из-под длинного стола в центре комнаты стул для себя. Я обошел свое рабочее место и сел. Мутант стоял, словно памятник, с торчащими из ушей наушниками.

– Ты вроде как математик, – сказал мужчина постарше, устроившись на стуле.

– Математик в области страхования. Так вы по какому делу?

Прежде чем ответить, мужчина мгновение рассматривал меня.

– По делу твоего брата. Хотя теперь это твое дело.

Ну разумеется, подумал я. Наклонился к столу, взял в руки толстую стопку счетов и придвинул ее поближе к себе.

– Какую компанию вы представляете?

Маленькие голубые глазки распахнулись и медленно прикрылись. Рептилии не входят в область моих интересов, но именно они пришли мне на ум. Ящерица. Игуана.

– Долг Юхани на момент его смерти составлял двести тысяч евро, – сказал Игуана. – Теперь это двести двадцать тысяч евро. Знаешь почему?

– О какой задолженности мы говорим? – спросил я.

– Знаешь почему? – повторил мужчина свой вопрос.

– Для начала мне надо узнать...

– Из-за процентной ставки, – сказал Игуана. – Она составляет десять процентов.

– За какой период?

– За тот период, когда он, то есть твой брат, умер.

– Две недели и четыре дня? Ставка десять процентов? Где же это могли заключить такой договор?

– В этом кабинете, – сказал мужчина и, раскинув руки, обвел ими комнату, словно преподнося мне в дар мой собственный кабинет. – Здесь мы и столковались.

– Столковались? Двести тысяч евро?

Тут мужчина соединил руки, протянул их в мою сторону и медленно кивнул. Я подумал, что пора заканчивать идиотское представление.

– Это совершеннейший абсурд, и я вынужден просить вас удалиться, – сказал я. – Не знаю, кто вы такие, да вы и не говорите. Вы не предъявляете договора. Это какая-то дикость. Прошу вас покинуть помещение.

Мужчина даже не шевельнулся. Мутант не двигался с самого начала разговора. Маленькие острые глазки старшего медленно закрылись и вновь открылись.

– Я ведь без труда могу и поднять ставку, если появится такая необходимость, – сказал он.

Я покачал головой:

– Вы являетесь сюда и требуете двести тысяч евро...

– Двести двадцать тысяч, – поправил мужчина.

– Ну да, еще с процентами, – сказал я. – Десять процентов за две недели и четыре дня. То есть речь идет о почти шестистах процентах годовых.

– Это ты вот прямо сейчас посчитал?

– Разумеется. Это нетрудно.

– Неплохо, – сказал мужчина.

– Что именно?

– Быстро считаешь. Сам я не сумел бы так хорошо сформулировать про процентную ставку.

– Я посчитал это для того, чтобы вы понимали, насколько безумны ваши требования. В следующий раз, когда вы решите попробовать развести кого-нибудь на деньги, делайте это более убедительным способом.

– Убедительным способом?

– Ну, хотя бы как Вертгеймер, которому удалось обвести вокруг пальца самого Эйнштейна. Вертгеймер задал такую задачку: старый раздолбанный автомобиль должен проехать два километра – километр на холм и столько же вниз. Поскольку эта машина – просто ржавое ведро, она не может ехать первый километр, то есть вверх, со скоростью выше пятнадцати километров в час. Вопрос: с какой скоростью эта развалина должна катиться с горы (тут скорость, разумеется, может быть больше), чтобы средняя скорость всей поездки составила тридцать километров в час?

Мужчина поджал губы раз, другой, затем произнес.

– Это просто. Два километра. Первый километр – со скоростью пятнадцать километров в час. Это понятно. Второй километр едет на сорока пяти. Сорок пять плюс пятнадцать равняется шестьдесят. Делим на два километра и получается тридцать. То есть под горку на спидометре должно быть сорок пять – и все сойдется.

– Правильнее сказать, что надувательство успешно сработало. – Ведь это на самом деле чушь. Правильный ответ – задача не имеет решения. Даже если бы машина неслась с горы со скоростью космической ракеты.

Мужчина ничего не сказал.

– Старой развалине потребуется на преодоление одного километра в гору со скоростью пятнадцать километров в час четыре минуты, – сказал я. – Но сколько нужно, чтобы проехать вверх и вниз, если скорость составляет тридцать километров в час? Расстояние на холм и с него – два километра. Тридцать километров в час означает, что машина проедет два километра за четыре минуты. Таким образом, ей нужно четыре минуты, чтобы одолеть весь путь на этой более высокой скорости. Но ведь эти же четыре минуты уже были использованы на подъем в гору!

Снова взгляд Игуаны. Веки опускаются и поднимаются.

– Эйнштейн заметил это только тогда, когда стал тщательно анализировать задачу, – прибавил я. – Но эйнштейны встречаются редко. И вы не Эйнштейн. Ни в коем случае. Отмечу только, что вам следует более тщательно подготавливать свои разводки – так, как это сделал Вертгеймер.

– Ну а ты?

– Что – я?

– Ты не повелся?

– Поначалу да, – ответил я честно. – Но поскольку я имею привычку считать и думать, что я делаю, то сразу заметил подвох. Меня не разведешь. Я не полагаюсь на случай. Верю в то, что все можно просчитать.

– Звучит обнадеживающе.

– В каком смысле? – спросил я, сам не знаю почему. Мне просто хотелось, чтобы они уже ушли.

– В том смысле, что, может быть, до тебя когда-нибудь дойдет... – сказал Игуана и повернул голову. – Поможем ему быстрее соображать, А. К.

Последнее странное слово, по всей вероятности, относилось к Мутанту.

Тот никак не отреагировал – видимо, в наушниках было что-то поинтереснее.

– А-А-А – К-А-А-А!

«Мутант» очнулся и вытащил наушник из правого уха.

Из наушника донеслись ритмичные басы: бу-бум – бу-бум. Я наконец сообразил, что А и К – это инициалы Мутанта. Тот посмотрел на Игуану с некоторым интересом.

– А. К., – сказал Игуана, – давай.

После этой короткой команды события стали развиваться стремительно.

А. К. запихнул наушник обратно в ухо, убрал телефон в карман спортивного костюма и сделал по кабинету несколько решительных шагов, которые удивительно быстро и, я бы сказал, ловко, привели его к моему столу. Обогнув стол, Мутант оказался рядом со мной. Не сбавляя оборотов, он схватил мою правую руку, как будто она была частью его собственного тела.

Меня подбросило со стула прямо к подмышке А. К. В нос ударил ядреный запах туалетной воды и дезодоранта. Руку пронзила боль, которая стала волнами расходиться по телу. А. К. ухватился за мой мизинец и вывернул его вертикально вверх. Свободной рукой я хватался за руки А. К., пытаюсь оторвать их от своей плененной конечности. Это было все равно, что стараться голыми руками удержать плотину под напором разбушевавшейся воды. А. К. вывернул мне палец еще сильнее. Боль как будто замерла, у меня перехватило дыхание.

– Ну что, Эйнштейн, Вертгеймер ты сраный, как впечатления? А. К. может вообще оторвать тебе палец. Мне приходилось видеть, как он это проделывает. Раз – и готово. Картина не для слабонервных. Мне нравится этот звук. Такой же, как если ножку у бройлера открутить. Сочный, внушительный. Но, конечно, гораздо, гораздо громче. Может, вот прямо сейчас и раздастся. А. К. меня не слышит. Но ты-то меня слышишь, Хенри?

Я кивнул. Раз, потом второй.

– Хорошо, – сказал Игуана.

А. К. поднажал.

– Для тебя это будет неожиданностью. Твой брат, Юхани, любил играть в покер. Ему это очень нравилось. Мы ссужали ему деньги, чтобы он мог продолжать игру. Все шло хорошо. Он играл, мы ссужали. Он выплачивал долги и одалживал снова. Почему нет? Все были довольны. Но потом он вдруг перестал платить, но играть не бросил. Таким поворотом событий не все остались довольны. До тебя, наконец, дошло?

Я снова два раза кивнул, уже без промедления. Игуана сделал знак руками, как футбольный арбитр, показывающий, что гол не засчитан. А. К. отпустил мою руку. Она полыхала болью. А. К. переместился обратно к дальней стене и застыл, словно от нее и не отходил.

Здоровой левой рукой я ощупал правую. Уверенности, что в ней ничего не сломано, не было.

– Кажется, твой мизинец еще на месте, – сказал Игуана и выдержал короткую паузу. – Двести двадцать тысяч евро.

– У меня нет...

– У тебя есть, и я это знаю, – сказал Игуана. – Парк ежедневно приносит выручку.

Последние слова я услышал дважды – в первый раз, когда их произнес Игуана, и во второй – когда я повторил их про себя. Игуана знал, о чем говорит.

– На тот случай, – продолжил он, – если решишь обратиться в полицию. Прежде подумай хорошенько. Ситуация станет еще хуже – парк, скорее всего, закроется, а ты останешься нам должен. И тогда из каких денег будешь платить?

Он помолчал и на несколько секунд снова превратился в ящерицу. Затем продолжил:

– Но есть и хорошая новость. Мы готовы продлить срок по кредиту. Разумеется, проценты будут накапливаться, но главное, дело пойдет. Парк аттракционов вытянет.

Палец пульсировал болью. Я принял решение.

– Нет, – сказал я. И добавил: – Это парк приключений.

– Что?

– Это парк приключений, а не аттракционов.

Я объяснил разницу так же, как раньше адвокату: в парке аттракционов людей крутят и раскачивают, а в парке приключений они крутят себя сами. Ну и так далее. Добавил, что, хотя в обоих парках могут быть похожие объекты, разница важна и сразу заметна. Игуана с минуту помолчал.

– Нет?

– Именно так. – Я кивнул. – Я не отвечаю по долгам брата. Не понимаю, какое они имеют ко мне отношение. Не буду платить.

Игуана, кажется, начал заводиться.

– А. К. мог оторвать тебе палец, – сказал он. – Я велел ему прекратить. Оказал тебе услугу.

Я бросил взгляд на А. К. Он нас не слышал.

– Уходите, пожалуйста.

На меня снова смотрела рептилия. Мужчина медленно повернул голову в сторону А. К. и собирался уже что-то сказать, когда в дверь постучали. Я крикнул: «Войдите!» прежде, чем Игуана успел открыть рот. В ту же минуту в кабинет вошла Лаура.

– Надо что-то решать с ремонтом машин для Черепашьих гонок...

Лаура замолчала. Ее взгляд быстро перескочил с меня на Игуану, затем на А. К. и снова на меня.

– Я не поняла... – начала Лаура, но замолчала. По выражению ее лица было видно: до нее дошло, что тут происходит что-то странное. Ее взгляд метался с Игуаны на меня и наконец остановился в какой-то промежуточной позиции.

– И я не совсем понял. – В глазах рептилии уже трудно было разглядеть что-то человеческое. – Но, возможно, понимание у всех улучшится, если А. К. поработает и с другими клиентами.

Он перевел свой рептилоидный взгляд с меня на Лауру.

Нет, подумал я, нет, нет и нет. Вы можете переломать мне все кости, и я все равно не стану платить, но Лаура...

В этот момент из коридора донесся громкий стук каблуков по ламинату.

– Насчет бюджета на рекламу... – С этими словами Минтту К решительно ворвалась в кабинет. – Золотце, у тебя есть минутка перекинуться со мной парой слов?

Затем и она остановилась как вкопанная. Теперь в тесном кабинете нас было уже пятеро.

Несколько мгновений, наверное, секунд десять, комната напоминала экспозицию в музее восковых фигур с застывшими в нелепых положениях манекенами, неотличимыми от живых людей. Наконец реальность и арифметика взяли свое. Нас было трое. Даже А. К. не успел бы оторвать тридцать наших пальцев прежде, чем ситуация обратилась бы в хаос.

Восковые фигуры пришли в движение.

Игуана поднялся со стула, Лаура переместилась поближе к моему столу, Минтту К бросила оценивающий взгляд на обоих мужчин, с особым интересом на А. К., приосанилась и поправила блузку.

А. К. сдвинулся с места и направился к выходу вслед за Игуаной. В дверях Игуана остановился. А. К. тоже притормозил.

Лаура еще на полшага приблизилась к моему столу. Не знаю почему, но в царившей кругом сумятице это вызвало у меня какое-то теплое чувство. Игуана обернулся, увидел перед собой А. К., шагнул в его сторону и заговорил чуть более миролюбиво:

– Еще раз спасибо, Хенри. Нам нравятся парки приключений. Мы обязательно вернемся.

А. К. ничего не сказал.

10

Следующие три дня – четверг, пятницу и субботу – я почти целиком провел в Парке приключений. Утром меня будило нежное прикосновение лап Шопенгауэра. Он сидел возле моего лица и, ласково мурлыча, тыкал меня лапкой под нос. Я встал и насыпал ему немного корма. Так было всегда в промежутке от пяти до четверти шестого утра. Я брился, завтракал, повязывал галстук и отправлялся в Парк приключений.

Я садился на электричку, затем пересаживался на автобус. В среднем дорога занимала 47 минут, и я покупал билет до второй зоны включительно. Время в пути я использовал, чтобы все рассчитать. Не совсем все. Я не учел предполагаемые игорные долги Юхани. С каждым днем вся эта ситуация казалась мне все более абсурдной. Визит двух мужчин, их заявления и требования. Мизинец у меня опух, и до него все еще было больно дотрагиваться, что не давало мне забыть, чем все это грозило мне на самом деле. Но во всем остальном...

То, что я сказал этой парочке, полностью отражало мои мысли.

Даже если Юхани играл в покер на суммы большие, чем мог себе позволить, меня это не касалось. За исключением того факта, что это несло Парку приключений известную финансовую угрозу. Вполне вероятно, что Юхани много играл. С учетом только что всплывших обстоятельств я сказал бы, что это было чрезвычайно вероятно. Нереалистичный подход к законам вероятности заставляет людей испытывать удачу в условиях, не имеющих ничего общего с вероятностью удаче – не важно, идет ли речь о личных отношениях или о быстром заработке. По этой причине я никогда не имел дела с азартными играми в любой форме. Для меня это было равнозначно плаванью в бассейне, наполовину заполненном акулами. Пусть они занимали в нем лишь половину пространства – это был их бассейн.

Когда мужчина с глазами рептилии и его помощник, отзывавшийся на инициалы А. К., покинули мой кабинет, я попросил Лауру Хеланто показать мне, как все работает. «Все?» – просила она. «Да, – ответил я. – Я хочу знать, как функционирует Парк, что где происходит. Я хочу вникнуть в каждый аспект его деятельности». Я не сказал ей, что у меня нет выбора. Не стал ничего объяснять, в том числе по поводу посещения двух незнакомцев. Не рассказал о катастрофическом финансовом положении Парка и о предполагаемом пристрастии Юхани к азартным играм.

Следующие несколько дней не оставили мне ни одной свободной минуты.

Я учился делать в Парке все.

Вкручивал отверткой винты под горками. Ознакомился с самыми важными сторонами уборки Парка. Сидел с Минтту К – по вечерам запах алкоголя, конкретно коктейля с джином, многократно усиливался – над составлением маркетингового бюджета, и мы пытались убедить каменноликую Йоханну уменьшить расходы на содержание кафе. (Она ответила «нет».) Мы уговаривали Эсу не только сидеть за компьютером, но и общаться с посетителями вживую. (Он объяснил, что это невозможно, поскольку противоречит требованиям постоянного обеспечения безопасности посетителей.) Я задавался вопросом, когда Венла выйдет на работу. (Пока что я так ее и не видел.) И, разумеется, всем этим я занимался, стараясь избегать Кристиана, который при первой возможности шепотом делился со мной идеями о работе главного менеджера и излагал стратегии передачи ему полной власти, а также интересовался, когда он сможет наконец сообщить эту новость остальным.

Воскресным утром я снова сидел в электричке.

Всходило солнце. Улицы, поля, парки и велосипедные дорожки пустовали, как будто у них тоже настал выходной. Осеннее золото и багрянец деревьев словно бы потускнели, но с каждой остановкой сверкали в лучах поднимавшегося солнца все ярче; в Вантаа, выйдя из автобуса, я погрузился в океан света.

По словам Лауры Хеланто, по воскресеньям число посетителей было почти таким же, как по субботам. Я сказал себе, что это воскресенье станет моим последним днем в Парке в качестве стажера. Последние несколько дней я мог рассматривать как ознакомительную неделю на новом месте работы. К началу следующей недели я буду полностью готов. Сообщу персоналу о предстоящих изменениях в работе, в том числе о новых бюджетах для каждого подразделения.

Я обратил внимание, что улыбаюсь.

– Вы в порядке? – спросила меня Лаура Хеланто, когда мы встретились в середине дня.

– В каком смысле?

– Выглядите немного... Не обижайтесь, но у вас немного нездоровый вид. Что-то с вами не так.

Я понял, что причиной ее беспокойства было выражение моего лица. Я стер с лица улыбку. Других вопросов Лаура не задавала. Сказала, что у гигантского кролика, встречающего посетителей у входа, расшаталось ухо. Она развернулась и указала на кролика.

– Он не должен хлопать ушами, – добавила она тоже с улыбкой.

Я не знал, кому предназначается эта улыбка – мне или кролику.

– Я сам его почию, – сказал я, потому что Кристиан стоял у прилавка, подменяя Венлу. Опять. Я вспомнил о других срочных вопросах, требовавших решения, и спросил: – котором часу мы сегодня закрываемся?

Лаура посмотрела на меня. Мне нравились ее глаза. В их пытливом взгляде было что-то такое, что даже меня заставило понять, что можно испытывать радость и удовольствие, просто наблюдая за некоторыми вещами. Возможно. Еще я заметил, что мне нравятся ее неукротенные волосы. Их лохматость была одновременно и веселой, и привлекательной. Но я не хотел продлевать наш разговор. Всю неделю Лаура задавала мне неудобные вопросы о визите двух мужчин, а также о моем интересе к денежным поступлениям от продажи мелочей и к другим финансовым операциям.

– Ничего, если сегодня я уйду чуть раньше? – спросила она.

Этого вопроса я не ожидал. Но тут же сообразил, что теперь именно я принимаю подобного рода решения.

– Если все в порядке, – сказал я.

Лаура быстро посмотрела в сторону:

– Думаю, все в порядке.

Мне показалось или тон ее голоса изменился?

– Разумеется, я еще раз обойду Парк, – продолжила она, – и скажу остальным, что ухожу. Напомню, чтобы не задерживались сверх необходимого.

Прекрасно, подумал я. Воскресные сверхурочные были ядом, отравлявшим наш едва установившийся финансовый баланс. Чем раньше нам удастся забыть о воскресных переработках, тем лучше. Если останутся какие-то недоделанные дела, с ними можно разобраться и в понедельник – самый спокойный день недели.

– Хорошо, – сказал я. – Я сам все закрою.

Еще один быстрый взгляд в сторону.

– То есть я могу всем сказать, чтобы уходили вовремя?

– Да, хорошо, – повторил я. – Ухо кролику я приклею сам.

Лаура Хеланто посмотрела сначала на меня, а затем на кролика.

– Он может повести себя непредсказуемо, – сказала она. – Будьте осторожны.

Сейчас

1

Большое ухо немецкого кролика росло прямо изо лба покойника.

Я поднял глаза и развернулся. У меня дрожали ноги, сердце грохотало, словно ледокол, пробивающий себе путь сквозь ледяные торосы. Я стоял посреди Парка приключений между Вараном и Ружьями-тромбонами. За спиной у меня высился гигантский кролик, у ног лежал мертвец, и я истекал кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.